

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

“ДНЕВНИК ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ”

* * *

6 апреля 2013 года юрист Барщевский в передаче Владимира Соловьёва весьма своеобразно заступился за думцев, которые держат деньги в офшорах: “При таких наездах на них в Думе не останется интеллигентов, – задумчиво произнёс Барщевский и добавил: – А на их место придут кухаркины дети”.

Одна весьма интеллигентная вдова писателя, живущая в одном доме со мной, желая угодить мне, сказала при встрече о моём старшем внуке: “Хороший мальчик, сразу видно, что не слесарев сын”.

Профессор и преподаватель МГИМО Юрий Пивоваров в телевизионном поединке “Суд времени”, будучи членом команды телевизионщика Млечина, заявил: “Советский человек – это антропологическая катастрофа”.

Я исхожу из того, что “кухаркины дети” – это выходцы из простонародья, и вот что думаю по поводу всего сказанного. Конечно, этот советский “антропологический недоносок” совершил непростительное преступление, позволив “антропологически совершенным” арийским особям одержать победу над “унтерменшами”. Конечно, в этом виноваты дети сапожников Сталин и Жуков, дети крестьян Твардовский и Конёнков, дети рабочих Косыгин и Кожедуб. Не менее страстно, чем Барщевский и Пивоваров, их презирал знаменитый поэт советской эпохи, вышедший из среды “антропологически совершенных” профессиональных революционеров-аристократов, который даже сочинил стишок о советских “недочеловеках”:

*Кухарку приставили как-то к рулю,
она ухватилась, паскуда.
И толпы забегали по кораблю,
надеясь на скорое чудо.*

*Кухарка, конечно, не знала о том,
что с ними в грядущем случится.
Она и читать-то умела с трудом,
ей некогда было учиться.*

*Кухарка схоронена возле Кремля,
в отставке кухаркины дети.
Кухаркины внуки снуют у руля,
и мы не случайно в ответе.*

Конечно, отпрыск революционеров-аристократов Булат Шалвович Окуджава, чей близкий родственник с той же фамилией приехал в Россию в апреле 1917 года в запломбированном вагоне, имел полное право смотреть свысока на эту простонародную чернь вроде Шолохова, Есенина, Георгия Свиридова, Ивана Конева, Юрия Гагарина, Валерия Чкалова, Николая Рубцова...

Такой вот “аристократический” социальный расизм образовался в нашем обществе за последние четверть века! Люди забыли о том, что до революции почти половина населения России не умела читать и писать. Что ликбез, на занятиях которого моя крестьянская бабушка Дарья Захарьевна по слогам повторяла: “Мы не рабы – рабы не мы”, – не выдумка большевистского агитпропа, а реальность. Что избы-читальни, лампочки Ильича, чёрные тарелки радио на свежих телеграфных столбах в деревнях России были не мифом вроде нынешнего Сколково, а настоящим национальным проектом, после осуществления которого появилась надежда, что страна создаст из “кухаркиных детей” многомиллионные армии учителей, врачей, агрономов, строителей городов, лётчиков, геологов, железнодорожников, писателей, актёров...

Эти простые, но великие истины хорошо понимал один из талантливейших “кухаркиных детей” – поэт Ярослав Смеляков, написавший после войны стихотворение о советской женщине двадцатых годов:

*Сносились мужские ботинки,
армейское вышло бельё,
но красное пламя косынки
всегда освещало её.*

*Любила она, как отвагу,
как средство от всех неудач,
кусочек октябрьского флага —
осеннего вихря кумач.*

*В нём было бессмертное что-то:
останется угол платка,
как красный колпак санюлота
и чёрный веноч моряка.*

*Когда в тишину кабинетов
её увлекали дела —
сама революция это
по каменным лестницам шла.*

*Такие на резких плакатах
печатались в наши года:
прямые черты делегатов,
молчащие лица труда.*

Такое лицо было у моей матери и у её старших сестер – тёти Поли и тёти Дуси, то есть у трёх дочерей моей бабушки Дарьи Захарьевны, калужской крестьянки, которая, споря с моей матушкой, острой на язык и часто ругавшей советскую власть, говорила ей:

– Ты, Шурка, советскую власть не ругай, я вот неграмотная, а ты при этой власти два института кончила...

* * *

Посмотрел по телящику фильм “Белый тигр”, поставленный Кареном Шахназаровым, о поединке советского танкиста Петрова, почти сгоревшего в танке, но каким-то мистическим чудом выжившего, чтобы объявить охоту на

таинственный немецкий танк “Белый тигр”, которая может закончиться лишь окончательной гибелью одной из сторон.

“Белый тигр” неуловим. На него организуют облавы из целых танковых частей, но он появляется на поле боя всегда неожиданно и всегда с самой неуязвимой для себя стороны, расстреливает советские “тридцатьчетвёрки” и уходит, как невидимка, чтобы появиться там, где его не ждут.

В последней дуэли один на один Петров выследил—таки врага, выстрелил первым и подбил башню “Белого тигра”. Казалось бы, конец, башня закинута, но тут орудие “тридцатьчетвёрки” разрывается от последнего залпа, и подбитый зверь войны уползает в туман. Фильм заканчивается клятвой нашего танкиста в том, что окончательная победа над мировым злом будет одержана после того, как будет сожжён этот бессмертный символ зла.

Однако в нескольких последних кадрах из тьмы выплывает фигура человека с чёлкой на лбу, в профиль похожего на Адольфа Гитлера, с печалью произносящего в пространство монолог о том, что он должен был выиграть эту войну: “Мы нашли мужество осуществить то, о чём мечтала Европа... Разве мы не осуществили мечту каждого европейского обывателя... Они всегда не любили евреев... Всю свою жизнь они боялись этой страны на востоке... этого кентавра... России. Разве мы придумали что-то новое?... Мы просто внесли ясность в то, где все хотели ясности... Теперь же немецкий народ сделают виновником всего...”

Так почему же он проиграл эту схватку с “азиатско-русскими варварами”, на которую получил благословение всей цивилизованной и объединённой его волей Европы? Вскоре после просмотра фильма я раскрыл книгу Василия Белова “Час шестой”, вручённую мне к моему семидесятилетию с дарственной надписью: “Дорогие Галя и Стасик! Я вроде бы дарил вам этот “кирпич”. История его (такого издания) — почти детективная история. Если будете читать, это заметите. Ах, не зря говорится, что кого Господь решит наказать, того Он лишит памяти... Только читать надо внимательно. Может, у вас уже имеется эта книга? Пусть будет и эта в честь твоего, Стасик, юбилея! До свидания. Белов. 15 июля 2003 г.”

Я взял толстенный (950 страниц!) том в руки, и он вдруг раскрылся на титульной странице второй части, озаглавленной “Год великого перелома. Хроника начала 30-х годов”. На обороте страницы в центре стояла колонка текста, прочитав который я понял, почему Белов просил читать внимательно и почему он написал уже для всех нас о том, что “кого Господь решит наказать, того Он лишает памяти”...

Это была цитата из Энгельса, чей профиль навсегда впечатался в мою память с детских лет, когда на первомайских послевоенных демонстрациях он был впаян на знаменах в один ряд с Марксом, Лениным и Сталиным. Немец, еврей, грузин и Ленин — “четверо евангелистов”, написавших, по убеждению Белова, теорию революции и практику коллективизации. Текст Энгельса, выделенный Беловым в центр страницы, гласил:

“Всеобщая война, которая разразится, раздробит славянский союз и уничтожит эти мелкие тупоголовые национальности вплоть до их имени включительно. Да, ближайшая всемирная война сотрёт с лица земли не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы, и это также будет прогрессом.

Мы знаем теперь, где сосредоточены враги революции: в России и в славянских землях Австрии... Мы знаем, что нам делать: истребительная война и безудержный террор. Фр. Энгельс”.

Страшные слова и мысли, которые почти буквально и не раз повторил Адольф Гитлер на страницах зловещей книги “Майн кампф”.

Борьба белой цивилизованной Европы со славянством, с азиатством, с восточным варварством, с “реакционными народами” и “мелкими тупоголовыми национальностями”... Вот какова была программа Европы и при Наполеоне, и при Меттернихе, и при Бисмарке, и при Энгельсе, и при Гитлере... Недаром Вадим Кожинов писал о том, что Восточная Европа, в сущности, является кладбищем многих славянских этносов, перемолотых немецко-тевтонской силой.

Так чем же взгляды марксиста Энгельса отличаются от взглядов национал-социалиста Адольфа Шикльгрубера или Йозефа Геббельса, называвших всех без исключения славян “варварами”, “татарами”, “азиатами”? Означает

ли это, что германский менталитет сильнее мировоззренческих, идеологических, политических, партийных и даже религиозных разногласий? Неужели знаменитые слова Сталина о том, что “гитлеры приходят и уходят, а германский народ остаётся”, мы поняли неправильно, решив, что сущность “дранг нах Остен” заключается в гитлерах, а на самом деле она заключается и в ангельсах, и, может быть, в самой генетике, страшно сказать, немецкого народа?

Как бы там ни было, но Белов создавал свою последнюю книгу о трагедии русского крестьянства, думая об этом. И переключка его мыслей с монологом Гитлера из фильма “Белый тигр” не случайное совпадение...

То, что пронизательный историк Иосиф Сталин догадывался об этой извечной европейско-германской мечте, изложено в воспоминаниях югославского политика Милована Джиласа, который встречался со Сталиным незадолго до окончания Второй мировой войны: “Он без подробных обоснований изложил суть своей панславистской политики:

– Если славяне будут объединены и солидарны, никто в будущем пальцем не шевельнёт. Пальцем не шевельнёт! – повторил он, резко рассекая воздух указательным пальцем.

Кто-то высказал мысль, что немцы не оправятся в течение последующих 50 лет, но Сталин придерживался другого мнения:

– Нет, оправятся они, и очень скоро. Это высокоразвитая промышленная страна с очень квалифицированным и многочисленным рабочим классом и технической интеллигенцией, лет через двенадцать-пятнадцать они снова будут на ногах. И поэтому нужно единство славян. И вообще, если славяне будут едины, никто пальцем не шевельнёт”.

Пророческие слова, но нет пророка в своём Отечестве... И памятник Фридриху Энгельсу гордо высится напротив храма Христа Спасителя.

* * *

27 ноября 2002 года, в день, когда мне исполнилось 70 лет, я затемно проснулся, быстро оделся и открыл входную дверь. Но за спиной раздался голос жены:

– Ты куда?

– Я за газетами. Надо посмотреть, что они пишут о моём юбилее. Прочитаешь и наконец поймёшь, с кем живёшь всю жизнь, – пошутил я и побежал вниз по лестнице.

На улице сеял мелкий снег. Было холодно и сыро. Но дышалось легко. В рассветной полутьме возле газетного киоска толпилась очередь. Подойдя к окошку, я спросил газету “Завтра”, в которой должна была выйти беседа со мной. В ярко освещённом кубе киоска, как рыбы в аквариуме, плавали две продавщицы. Одна из них деловито и холодно ответила мне:

– Этой националистической газетой мы не торгуем.

– Тогда дайте “Советскую Россию”! – Но ответ был неутешительный:

– Коммунистической прессы у нас нет!

Я схватился, как за соломинку, за “Комсомолку”, вспомнив, что в ней должны быть опубликованы мои стихи.

– Было четыре экземпляра – все продали!

Спиной я почувствовал, что очередь людей, жаждущих схватить в киоске какое-нибудь чтиво и нырнуть в метро, начинает ненавидеть меня, и в отчаянии прокричал киоскершам:

– Ну, дайте хоть “Литературку” или “Труд”! – В них, как мне помнилось, что-то должно было появиться о моём юбилее.

– Нет ни того, ни другого! – последовал ответ не на шутку разгневанной киоскёрши.

Я взбеленился:

– А что же у вас есть?!

– Только “Московский комсомолец”!

– Ах, вы только жёлтой прессой торгуете? Да взорвать бы ваш киоск!

И это было роковой ошибкой с моей стороны, поскольку незадолго до того в Москве прогремел взрыв в одном из подземных переходов. Обе киоскёрши – крепкие, розовощёкие, наглые – в ярости высунули свои мордочки в окошко:

– Отойди от киоска, старый козёл!

Униженный и оскорблённый, я повернулся спиной к этим ведьмам и побрёл домой без единой газетки. Ноги мои вдруг потеряли упругость и стали шаркать по мокрому асфальту.

– Ну, где твоя хваленая пресса? – спросила меня жена.

Я развёл руками и рассказал ей про своё унижение.

– Не огорчайся! – утешила меня Галя. – Сейчас приедешь на работу, тебя сотрудники поздравят, цветы преподнесут, ты сразу и помолодеешь!

Позавтракав, я вновь пошёл к метро, спустился в его чрево, пройдя мимо мерзкого киоска, дошёл до турникета и стал искать в карманах “Карточку москвича”, дающую право на бесплатный проезд, но быстро понял, что забыл её дома. Женщина в форме, стоявшая возле турникета, естественно, преградила мне дорогу.

– Дорогая! Пропусти, ради Бога! Карточку я забыл, а подниматься по лестнице за билетом неохота!

Но женщина в форме была сурова не менее, чем киоскёрши:

– Не теряйте времени на разговоры, подымитесь и купите билет!

Я взмолился:

– У меня сегодня день рожденья, мне семьдесят лет исполнилось, вот, поглядите мой паспорт!

Я протянул блюстительнице порядка свою “краснокожую паспортину”, но она оскорблённо отстранила мою дрожащую руку и холодным казённым голосом отчеканила:

– Не издевайтесь надо мною, молодой человек!

Вот так вот в течение получаса мне удалось побывать и “старым козлом”, и “молодым человеком”... Весёлая вещь – юбилей!

* * *

Василию Гроссману на фасаде дома № 23 по улице Красноармейской усилиями фонда “Холокост” и его руководительницы Аллы Гербер повешена мемориальная доска, гласящая, что автор здесь жил и творил свои бессмертные произведения.

Многие старожилы кооператива “Советский писатель” были против этого, резонно доказывая, что Гроссман здесь бывал, приходил к друзьям в гости, но законным жильцом никогда не был.

Ну, а если и так? Неужели лауреат романа “За правое дело” не может быть увековечен памятной доской, не за то, что он жил или не жил, а просто так, за великие идеи и мысли, которые до сих пор живут на страницах его книг? Ну, давайте вспомним, с каким пафосом Василий Семёнович прославлял Сталина, советский народ и советскую эпоху.

В романе “За правое дело” он рисует образ Сталина, произносящего с мавзолея свою знаменитую речь 7 ноября 1941 года, а в его очерке “Треблинский ад” еврейские подростки перед дверьми газовых камер кричат в лицо гитлеровским палачам: “Русские отомстят!”, “Сталин отомстит!” – и поют песню “Широка страна моя родная!” Он, конечно, заслужил мемориальную доску на фасаде писательского дома.

Правда, через несколько десятилетий Гроссман в повести “Всё течёт” называет Россию “рабой”, но эти превращения произойдут с ним, видимо, после близкого знакомства с Аллой Гербер: только женщина могла подействовать на мужчину столь сильно, что он изменил своим прежним убеждениям.

* * *

29 июля 2015 года. “Эхо Москвы”

Сванидзе яростно спорит с Яровой:

“Сталин и КПСС отняли победу у народа... Кончилась победа салютом и “белым кителем”, и скромной похвалой народу”.

Яровая возражает историку – вспоминает великие кинофильмы о войне: “Летят журавли”, “Баллада о солдате”, “Сын полка”. Всё это наследие, если такие, как Сванидзе, придут к власти, будет запрещено. Война и Победа – един-

ственное, что ещё объединяет наш народ, спасая от поражения в 90-е годы.

Сванидзе негодует:

“Из кремлёвской стены нужно выселить всё руководство. Там захоронены кровавые монстры, расстрелявшие тысячи людей!”

И такой болтун-журналист ещё смеет называть себя историком! Ну, тогда и Петра Великого надо выбрасывать из Петропавловской крепости, и Ивана Грозного изымать из его кремлёвской гробницы.

“Ленин – это Древний Египет, гробница фараонов!” – визжит Сванидзе.

Ну, и что? Сванидзе забыл, что тысячелетиями к гробницам фараонов “текут людские толпы”, испытывая священный восторг перед величественными картинами минувшей истории человечества, и никому нет никакого дела, сколько тысяч египтян было положено в основание пирамиды Хеопса...

* * *

Слово, произнесённое в Калуге во время присвоения мне звания “Почётный гражданин Калужской области”.

“Я очень волнуюсь, и я по-настоящему счастлив. Я благодарю за оказанную мне честь писателей, журналистов, общественных деятелей, которые выступили с инициативой о присвоении мне почётного звания.

Я благодарю вас, законодатели области, поверившие своей интеллигенции.

Моя сердечная признательность Виктору Михайловичу Колесникову и Валерию Васильевичу Сударенкову, благословившим и утвердившим ваше решение. Эта награда для меня дороже всех других наград, полученных мной.

Русская пословица гласит: “Где родился – там и сгодился”. Я родился, учился, издал свою первую книгу и написал все остальные в родных стенах на калужской земле.

Я сын своей малой родины, в земле которой лежат мои предки, мои родные и близкие, в книгах памяти которой записаны имена мужчин из нашей некогда большой семьи.

Обещаю вам и впредь, насколько хватит сил, помогать моим землякам – политикам-патриотам, учителям, библиотекарям, писателям, журналистам – возрождать нашу землю и созидать на ней жизнь, достойную русских людей.

Но заботясь о малой родине, не будем забывать о всей России. Она вступила в роковой и опасный период истории, когда жизнь заставляет нас отбросить политический бред о прозрачных границах, о суверенитете, который каждый из субъектов федерации может проглотить столько, сколько в него влезет, о розовой утопии федерального устройства по образцу США. Их страна ограждена от всех агрессивных ветров двумя океанами, в то время как Россия целое тысячелетие выдерживает напор истории то с Запада, то с Юга, то с Востока. И если она до сих пор устояла на ногах, то лишь потому, что обладала мощной объединительной общенародной и общегосударственной волей... Пришла пора вспомнить об этом. Отдельно друг от друга, поодиночке мы не спасёмся. Сплочение, единство, собранность – вот наша надежда.

Ещё раз благодарю всех вас. Низкий поклон Калужской земле. Да здравствует Россия!”

* * *

Россия – литературоцентристская страна.

Вот почему Православие наше стало утверждаться в сознании народа с послания митрополита Илариона “О Законе и Благодати” и с летописи “Повести временных лет”, созданной в Киево-Печерской лавре.

Вот почему наши Пушкин и Есенин – своеобразные *святые русской жизни*. Вот почему часть народа нашего поверила Солженицину, что при советской власти было уничтожено от 40 до 60 миллионов граждан. Поверила потому, что Солженицин был не историк, не политик, а писатель. А отсюда уже всё пошло-поехало.

В современном музее “сталинских репрессий” уже как о непреложной истине объявляют о 700 тысячах расстрелянных в 1937–1938 годах, на самом же деле множество самых честных источников определили, что от 650 до 700 тысяч смертных приговоров (не расстрелов!) было вынесено при советской власти не за два года (1937–1938), а за 29 лет сталинского правления – с 1924-го по 1953 год.

Поистине, вспомнишь Геббельса: “Ложь, чтобы ей поверили, должна быть чудовищной”.

Знаменитый по временам холодной войны на Тихом океане контр-адмирал Анатолий Тихонович Штыров после выхода в отставку несколько лет изучал архивы колымского лагеря Дальстрой, в котором, по утверждениям А. Солженицына и скульптора Эрнста Неизвестного, погибло несколько миллионов заключённых, в основном политических. Но Штыров, тщательно изучив документы Дальстроя, установил, что концлагерь функционировал 14 лет – с 1939 по 1953 год; что заключённых туда перевозили на единственном транспортном судне “Джурма”; что это судно брало на борт не более 2 тысяч человек; что за один навигационный сезон оно совершало не более 12 рейсов и доставляло с материка не более 30 тысяч пассажиров, в числе которых, кроме осуждённых, были и “вольняшки” – “геологи, строители, лётный состав, врачи и, наконец, охранные войска”.

Следовательно, итожит Штыров, за 14 лет “бесперебойного функционирования из бухты Нагаево на Колыму” было перевезено не более “400 тысяч заключённых”.

“Из статистики, – добавляет Штыров, – кроме того, известно, что до 1940 года из доставленных на Колыму заключённых составляли: “политические” – до 5%, “бытовики” – до 50%, уголовники – до 45%. В период 1944–1952 годов статистика изменилась: “политические” – до 1%, “бытовики” (растратчики, спекулянты, аферисты и пр.) – до 25%, ошмётки войны (бандеровцы, власовцы, “зелёные братья”) – до 30%, уголовники (бандиты, воры, насильники) – до 40% <...> “совесть эпохи” Александр Исаевич соврал ни много ни мало, а в 15 раз”...

Особенно важны эти документальные изыскания контр-адмирала А. Т. Штырова сейчас, когда 2018 год объявлен “годом Солженицына” в связи со столетием рождения автора “Архипелага...”

(Анатолий Штыров. “Приказано соблюдать радиомолчание”. “Русский мир”. М., 2017. С. 89–90).

* * *

Надо спросить у духовника власовской армии отца Александра Киселёва, пока он жив: “Кто олицетворял русскую историческую правду – Власов или Жуков?”

Желание власовцев смерти советской системе совпадало с желанием американской элиты. Но сейчас, после 1993 года, они, эти старики, носители последних клочков белой патриотической идеи “о великой и неделимой”, что они чувствуют, глядя на обглоданную карту великой империи, на вырванный, словно из окровавленной туши грудь, контур Украины, на отрезанное подбрюшье Средней Азии, на отвалившийся Кавказ? Мучаются ли они угрызениями совести в тайных глубинах души, льют ли *невидимые миру слёзы* по “великой и неделимой”?

* * *

Весь склад русской души и весь ход русской истории был или враждебен рынку, или равнодушен к нему.

Россия при всех её неисчислимых природных богатствах никогда не жила богато. То, что она кормила хлебом всю Европу, – это легенда.

При урожаях от 5 до 10 центнеров с гектара это было невозможно. Дай Бог, если у среднерусского крестьянина хлеба хватало до Пасхи.

Помнится, как в какой-то статье начала 80-х годов прошлого века я саркастически издевался над западными идеологами рынка, которые лепили на

свои товары “Мону Лизу”, “Сикстинскую мадонну”, “Тайную вечерю”. Я само-надеянно думал, что у нас такое невозможно. Вся великая небесная рать русских духовных витязей этого не допустит. У нас ведь Пушкин проклял в “Скупом рыцаре” и в “Пиковой даме” власть злата, у нас Настасья Филипповна царственным жестом бросает в камин пачку денег, у нас Александр Блок ненавидит буржуа и шепчет: “Отойди от меня, сатана”, — у нас Есенин с грустной улыбкой шутит по поводу своего бессребренничества: “Да! Богат я, богат с излишком. // Был цилиндр, а теперь его нет. // Лишь осталась одна ма-нишка // с модной парой избитых штиблет.” А его идейный враг Маяковский подаёт Есенину руку, как брату: “Мне и рубля не накопили строчки”... И Цветаева — нищая изгнанница — окликает их обоих из тьмы “европейской ночи” и пророчесствует, обращаясь к самодовольным людям Запада: “Вас положат на обеденный, а меня на письменный”.

* * *

Нас обвиняют в поражениях и потерях в начале войны якобы потому, что в армии были чистки высшего комсостава, потому что Сталин разоблачал всяческие заговоры, потому что все герои испанской войны были расстреляны, потому что разведка не помогла точно определить время нападения немцев на нас.

Но как бы то ни было, а к декабрю стало ясно, что “блицкриг” не удался. И ещё возникает такой вопрос: почему польская армия была разгромлена за две недели, а французская — за четыре, в то время как с комсоставом там было всё в порядке, никаких чисток, никаких заговоров военных ни во Франции, ни в Польше не было, никакой коллективизации, якобы “подорвавшей сельское хозяйство”, в этих странах не проводилось, никаких голодных годов, связанных с созданием колхозов, там не было... Всё в этих государствах — польском и французском — было в полном порядке: и армия, и военная промышленность, и политическая цельность власти. И не было у них бандеровцев, крымских татар или всякого рода прибалтийских “лесных братьев” — и всё равно немецкие солдаты смели одно государство с его шляхетской военной элитой за две недели, а другое, с превосходной военной линией Мажино, — за четыре.

* * *

В одном из своих стихотворений Юрий Кузнецов написал: “Духом высокое Средневековье”.

В какой-то степени он был прав. Высота духа в Средневековье была. Но рано или поздно этот аскетический, инквизиторский, фанатический — если вспомнить о Крестовых походах — дух должен был выродиться. И это “вырождение” было названо “Возрождением”. Возродилась якобы некая античность, бывшая и процветавшая в дохристианское время. Но западному обществу пришлось, оглядываясь на античность и на “права человека” в античном мире, возрождать одновременно с “человечностью” и все пороки, и все ветхозаветные нравы человечества, описанные Апулеем, узаконенные на горе Олимп и острове Лесбос, воспетые Аристофаном и Катуллом.

Именно потому нравы, царившие при дворе Цезаря, были продолжением жизни, которую исповедовали царь Ирод и его окружение... Ну, как после этого не появиться Телемскому аббатству, “Декамерону”, маркизу де Саду, “Орлеанской девственнице” Вольтера, “Войне богов” Парни...

* * *

Когда Мао Цзэдун впервые встретился со Сталиным, один из первых его вопросов к Иосифу Виссарионовичу был о том, как управлять народом.

Сталин без особых раздумий ответил, что “народ должен работать”. Но в этом было отличие Сталина от социалистов-утопистов, мечтавших, что при коммунизме всю чёрную работу будут выполнять машины, а люди будут

заниматься искусствами, путешествиями, развлечениями и прочей красивой жизнью.

Эта концепция исходила из того, что “труд – это проклятье”, но каким-то образом одновременно утописты пели хором, что “владыкой мира будет труд”.

Но и те, и другие при этом забывали об основной библейской заповеди: “В поте лица своего будешь есть хлеб...” Но что же происходит сейчас, на наших с вами глазах? Люди из правящего слоя земной жизни действительно живут согласно представлениям утопистов.

Мужчины из этого слоя разучились работать лопатой, топором, пилой, молотком, стамеской и прочими ручными инструментами, женщины разучились шить, стирать, варить пищу, ухаживать за скотиной и за детьми, топить печку. Люди отучились считать, забыли таблицу умножения, читать ещё могут, но уже не книги, а уличные вывески.

Это ли не конец света? Не об этом ли писал современник Пушкина Евгений Боратынский в стихотворении “Последняя смерть”, в котором он, на мой взгляд, предсказал вырождение человечества, узаконившего от безделья однополые браки:

*И в полное владение своё
Фантазия взяла их бытíе,
И умственной природе уступила
Телесная природа между них:
Их в эмпирей и в хаос уносила
Живая мысль на крыльях своих;
Но по земле с трудом они ступали,
И браки их бесплодны пребывали.*

* * *

Силы зла и разрушения получили в эпоху свободного рынка неограниченные возможности.

Рынок оружия после распада Советского Союза вырос безмерно. То же самое произошло с рынком наркотиков. Более того, возник рынок работорговли, появился рынок фальшивых лекарств, фальшивых дипломов и аттестатов, рынок любых фальшивых документов, я уж не говорю о рынке фальшивых спиртных напитков и пищевых продуктов. А если вспомнить о внезапно возникшем рынке государственных должностей или о рынке порнографических изданий...

А скольких людей оставил несчастными рынок мошеннических ценных бумаг (Мавроди, Н. Б. Траст, “Селенга”, “Инкомбанк” – несть им числа!).

А рынок обманутых дольщиков... И все эти рынки возникли, как необходимое условие для сокрушения плановой экономики, о которой наш президент Медведев на съезде бизнесменов в Красноярске с презрением сказал, что “мы ею нахлебались за 70 лет!”

Но всё равно плановая экономика будет существовать. Владыки мира всё равно будут планировать – численность какого народа надо сократить и насколько, какое количество наркотиков надо будет произвести для потребления в той или иной стране, какую валюту мира надо будет опустить, а какую – возвысить.

Так что плановая экономика производства зла и потребления “продуктов зла” бессмертна, и никакой президент с ней ничего не сумеет сделать.

* * *

“Быдло” – так называли шляхтичи украинцев и белорусов. А в крайнем раздражении говорили о них “пся крев” – то есть собачья кровь. Европейцы исторически всегда были расистами по отношению ко всему третьему миру, но до уровня польского расизма они всё-таки не опускались.

Зная эту польскую слабость, Геббельс говорил Гитлеру: “Фюрер! Поляки поймут нашу расовую теорию – они судят людей по крови”. Розанов

размышлял о “копытных” и “хищных” народах. Копытные – это миролюбивый скот, быдло. Хищники бродят вокруг, но их мало. Однако копытным приходится становиться вкруговую и, защищая своих телят, угрожать “хищникам” рогами и копытами. Поляки (а скорее “шляхта”) – хищники. Польский (шляхетский) характер – тщеславный, экзальтированный, самонадеянный, хвастливый – был всегда причиной того, что любое польское движение заканчивалось в истории крахом.

В 1612 году крах произошёл от недооценки поляками русских “варваров”, русского “быдла”.

В 1812 году – потому, что они, сломя голову, поверили Наполеону, который купил поляков несколькими фразами об их храбрости и романом с Вавельской.

В 1830 году они проиграли потому, что программа восстания была написана поэтессой Ильницкой.

В 1863 году – потому, что польская шляхта восстала против отмены крепостного права императором Александром II, царём-освободителем в ихней вотчине Польше.

В 1941 году поляки поскользнулись в Едвабне на еврейской крови... Вся история Польши складывается согласно русской поговорке “бодливой корове Бог рог не даёт”...

Я перечитал все размышления русских классиков о поляках и Польше. Самые великие из них были полонофобами: Пушкин (“кичливый лях”), Достоевский (“полячишки”), Гоголь (читайте “Тараса Бульбу”), Тютчев – читайте его политическую поэзию, Константин Леонтьев – читайте его дневники, Александр Блок: “Здесь всё, что было, всё, что есть, надуту мстительной химерой” (сказано о Варшаве).

А полонофилами были второстепенные писатели – Вяземский, Печорин, Булгарин и, к сожалению, даже Александр Герцен, не говоря уже о советских полонофилах – Давиде Самойлове, Борисе Слуцком, Евгении Евтушенко и т. д.

* * *

Разговаривал с близким мне человеком Александром Константиновичем Смолкой. Он создал две документальные кинокартины – “Союзники” и “Погибли за Францию”.

Первая – о нашей общей борьбе с германским расизмом, а вторая – о русском экспедиционном корпусе, сражавшемся против немцев в Первой мировой войне в составе французской армии.

Смолко приехал из Парижа, где демонстрировал свои работы в российском посольстве.

– Ну, как там потомки первой русской эмиграции отозвались о Ваших фильмах? – спросил я.

– Да они отказались прийти на просмотр, – с досадой сказал Смолко. – “Пока вы, русские, не заклейте окончательно своё советское прошлое, пока своего Ленина и своего Сталина не осудите до конца и не вынесете с Красной площади, ноги нашей не будет в российском посольстве...”

...А я слушаю его и вспоминаю 1948–1951 годы. Мы – старшеклассники 9-й средней калужской школы, у нас есть и школа танцев, в актовом зале мы танцуем щемящий душу вальс “На сопках Маньчжурии”, голос певца переполняет волнением наши юношеские души: “За павших героев мы отомстим // и справим кровавую тризну”.

Но кто отомстил, кто справил “кровавую тризну”? Конечно, тот, кто после победы над Японией сказал:

“Много лет мы, русские люди старшего поколения, мечтали о том, чтобы смыть позор поражения, который Россия навлекла на себя в русско-японскую войну 1905 года”.

Вальс “На сопках Маньчжурии” был написан в 1907 году. Отмщение пришло в 1945-м. Отомстил великий Советский Союз, вождём которого был Иосиф Сталин.

Так поблагодарите же, потомки Юсуповых, Шереметьевых, Голицыных и прочих знатных фамилий, этого человека. Приходите в российское посольство

9 мая и 3 сентября, когда мы празднуем Победу над Германией и Японией. Вы не сумели отомстить за павших в Маньчжурии в 1905 году, это сделали наши отцы и старшие братья. Человек вашего поколения сочинил прекрасный и печальный вальс и предсказал, что рано или поздно Россия отомстит за маньчжурский позор. И это было сделано через 40 лет солдатами и офицерами Сталина, могилу которого вы так не хотите видеть на Красной площади.

* * *

ИГИЛ возник на почве мировой истории, щедро удобренной за прошедшие эпохи кровью и плотью чернокожих и краснокожих рабов. Мы ужасаемся, глядя, как современные варвары разрушают христианские и буддийские храмы. А сколько древностей разрушили американские солдаты в Ираке? А испанцы в Южной и Центральной Америке? Целые цивилизации истребили. Помню из детства свой альбом с марками — марки африканских стран “Золотой Берег”, “Марокко”, “Берег Слоновой Кости”, “Мадагаскар”, “Родезия”... Неопишущей красоты марки на самом деле означали не государства, а колонии с рабами, которых колониальная администрация удерживала в покорности при помощи иностранных легионов и террора. Эпоха Великих географических открытий была эпохой мирового терроризма, эпохой уничтожения великих культур народов майя, инков, аборигенов Австралии и Индонезии, племён Индокитая. Помню, как я зачитывался “Песней о Гайавате”, записанной Лонгфелло и переведённой на русский язык Иваном Буниным.

Но Боже мой, какое разочарование я испытал, побывав в индейском штате Оклахома, увидев дома-временки, слепленные из досок и картонных коробок, пыльную улицу, по которой ветер катал пустые банки из-под пива!

Конечно, ИГИЛ — это варвары. Но разве римляне, разрушившие Карфаген, не были варварами?

Разве крестоносцы, разрушавшие города Ближнего Востока и Византии, не были варварами? Разве не были варварами немецкие орды, взрывавшие церкви Киева, Пскова и Нижнего Новгорода, Нового Иерусалима и Гатчинские дворцы?

А англосаксы, разбомбившие Дрезден? Да на их фоне маршал Конев, приказавший брать древнюю польскую столицу Краков без поддержки бомбардировщиков и тяжёлой артиллерии, — это гуманист высочайшей культуры!

Народам нужна устойчивая, осёдлая, укоренённая в землю, в воздух, в леса и воды жизнь.

Лишь тогда они застрахованы от вируса миграции, от бегства в поисках лучшей участи, от того состояния, которое называется “перекати-поле”. “Где родился — там и сошёлся”. Лучше не скажешь.

Просвещённая Европа породила “иностранцы легионы” — наёмников, “диких гусей”, “псов войны”, которые всю первую половину XX века держали в повиновении беззащитную чёрную Африку.

Общество потребления зубами и когтями будем драться за свой уровень жизни, добытый за несколько столетий колониального владычества.

“Хлеба и зрелищ!” И неужели вы думаете, что голодные орды будут долго терпеть, чтобы 60 семейств человечества владели 90 процентами всех земных богатств?..

Я был в Дамаске, в Кербале, в Йемене, в Тунисе, в Алжире. В Багдаде смотрел, как опрятные, умные, развитые студенты университета в белых рубашках и чёрных костюмах играли на сцене для русских гостей “Женитьбу” Гоголя.

Бродил по Вавилону и посещал удивительную багдадскую государственную библиотеку. Жизнь кипела ключом там, где сегодня всюду запахи смерти. Пушкин в стихах “Подражание Корану” восторгался Востоком, а об Америке писал: “С изумлением увидели демократию в её отвратительном цинизме, в её нестерпимом тиранстве. Всё благородное, бескорыстное, всё возвышающее душу человеческую подавлено неумолимым эгоизмом и страстью к довольству”.

Смею предположить, что когда Путин, выступая на последней сессии ООН, сказал им всем в лицо: “Вы сами-то понимаете, что вы натворили?” —

он имел в виду не просто положение в Сирии, но итог всей колониальной эпохи, прожитой западным человечеством.

Конечно, такой колониально-беспощадный путь развития Европа выбрала лишь потому, что все её вожди и пророки посчитали, что белая раса — это подлинные и вечные господа и владыки третьего мира. Белый расизм стал мировоззрением и идеологией европейской и американской элиты. И теперешним европейским интеллектуалам, которые считают, что Россия тоже не без греха, что она “покорила” несколько десятков народов, я брошу в лицо слова русского человека с немецкой по рождению кровью, прожившего вторую половину жизни в Европе и похороненного в знаменитой Ницце: “Мы выше зоологической щепетильности и совершенно безразличны к вопросу о расовой чистоте, что не мешает нам быть вполне славянами. Мы очень довольны, что в наших жилах есть финская и монгольская кровь; это ставит нас в родственные и братские отношения с теми расами-париями, о которых гуманная демократия Европы не может говорить иначе, как тоном оскорбительного презрения” (А. И. Герцен).

* * *

По послевоенной Калуге ещё ходили точильщики, на плечах у них были деревянные станки с колесом, с ремнём на колесе и круглым точилом, которое вращалось от нажима педали, похожей на ножную педаль швейной машинки.

— Точу ножи, ножницы! — кричали они, и жители нашего двора выползали из дверей, кто с ножом, кто с ножницами, кто с коньками “снегурочками” или даже с довоенными длинноносыми “норвежками”. И старьёвщик проезжал по улице на телеге, и кричал: “Старьё берём!”

А из окон квартиры тёти Нюры с шипением вылетали звуки песни, видимо, залетевшей к нам в Калугу в нэповское время:

*А обманешь, то знай, у креолки
Ногти острые, словно иголки,
И расправа моя будет краткой —
Пусть креолку целует другой.*

А под окном на лавочке сидели два брата, два сына тёти Нюры, которая крутила ручку патефона и ставила пластинку за пластинкой.

“Цыганский табор покидая” в исполнении Вадима Козина, “Здесь, под небом чужим, я как гость нежеланный” Петра Лещенко, “В запылённой связке старых писем” Клавдии Шульженко.

В нэповское время, когда в Калуге ещё не было водопроводных колонок, воду возили в бочках на лошадях. Видимо, отсюда у моей матери выработалась одна привычка. Когда её по поводу моего обучения или поведения в школе вызывали к класному руководителю или к директору, она осуждающе глядела на меня и говорила: “Ну, учиться не хочешь — воду возить будешь!”

* * *

9 Мая 2015 года

Мавзолей — шедевр работы великого Щусева — закрыт трёхцветным полотнищем, чтобы не было видно слово “Ленин”. Но оно там есть, и все знают, что там лежит основатель государства. Остался при всех лаврах, при всём почёте, при всех музеях, ему посвящённых.

Мимо обесчещенного мавзолея, мимо руководителей страны и гостей, сидящих на лавках (как бы они смотрелись на мавзолею...), глядя, как, чекая шаг, идут курсанты, суворовцы, слушатели военных академий, вэдэвэшники, идут под музыку бессмертных маршей: “Три танкиста, три весёлых друга, // экипаж машины боевой”; “Расцветали яблони и груши” — тоже маршевая музыка, как и “Броня крепка, и танки наши быстры”, где главная строчка:

“Когда нас в бой пошлёт товарищ Сталин // и первый маршал в бой нас поведёт”... И слова, и музыка маршей написаны при Сталине. Мавзолей можно закрыть, но бессмертные слова и бессмертную музыку не закроешь. А наш сводный оркестр добавляет жару, и мы в душе подпеваем:

“Артиллеристы – Сталин дал приказ...”

Проходит какое-то авиационное училище – и, конечно, организаторы шествия к этой колонне подобрали:

*Всё выше, и выше, и выше
Стремим мы полёт наших птиц,
И в каждом пропеллере дышит
Спокойствие наших границ.*

На площадь с грохотом вползают ракеты С-400, ракетный комплекс “Ярс”, тёмно-зелёные, похожие на гигантских китов тупорылые ракеты, не известные мне.

Как все эти нагрузки выдерживают торцы Красной площади, как все эти нагрузки выдерживает наш народ!?

А свод военных оркестров, желая ослабить нагрузку на наши души от предыдущих колонн и сопровождающей их техники, уже наяряивает что-то легкомысленное:

*Чтоб с тоскою, друзья, не встречаться,
Вспоминая про ласковый взгляд,
Мы решили, друзья, не влюбляться
Даже в самых красивых девчат.*

И под этот легкомысленный марш в небе над Красной площадью с рёвом проносятся истребители СУ-37 и штурмовики СУ-25... Жаль, высоковатое летят, а то бы воздушной волной – да сорвать трёхцветное полотнище с красного мавзолея...

* * *

Тела своих убитых родных и земляков цхинвальские осетины увезли хоронить в Северную Осетию.

Уничтожение кладбищ в Цхинвале грузинскими оккупантами есть особенно коварный приём геноцида.

Это осквернение сакрального обычая патриархальных общин, уничтожение праха предков, осквернение земли, в которой они лежат. Это поистине создание “выжженной земли”, операция “чистое поле”. То же самое совершали албанцы в Косово. Те, кто планирует уничтожение “моногородов” с переселением жителей в другие места, а значит, с забвением кладбищ, недалеко ушли от грузинских осквернителей праха.

О том, как тяжело расставаться с родными могилами, лучше всех написал Валентин Распутин в повести “Прощание с Матёрой”. А Кремлёвская стена – тоже кладбище. И мавзолей – тоже могила. На этих сакральных камнях покоится вся наша история.

* * *

*Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

Эта мысль Пушкина никогда не покидала меня. Недаром много десятилетий тому назад, в молодости, в стихотворении “Родная земля” я написал об уезжающих за границу моих друзьях-евреях, решивших сменить родину:

*И нас без вас, и вас без нас убудет,
Но, отвергая всех сомнений рать,
Я так скажу, что быть должно — да будет,
Вам есть где жить, а нам — где умирать.*

Я отдал это стихотворение Глебу Горышину, возглавлявшему в те годы журнал “Аврора”, и невольно подвёл его: вёрстка журнала каким-то образом попала на глаза первому секретарю Ленинградского обкома КПСС Григорию Романову, и он разгневался: “Как так — эти эмигранты едут на Запад жить, а нам здесь остаётся умирать”... Стихи, конечно, были сняты из журнала, помнится, что и Горышин был освобождён от своей должности...

Но по существу я был прав: посмертная судьба эмигрантов почти всегда печальна. “Темна твоя дорога, странник”, — писала Ахматова. Вспомним, как долго не могли найти место упокоения для праха уехавших в Америку Иосифа Бродского, Александра Межирова, актёра Бубы Касторского (Сичкина), чей прах годами стоял в урне в углу гаража. И прах Бродского тоже не сразу нашёл для себя последнее пристанище. Нет, Ахматова была права, когда в стихотворении “Родная земля” писала:

*Но ложимся в неё и становимся ею,
Оттого и зовём так свободно — своею.*

Недаром Юрий Кузнецов в поэме о Христе долго и тщательно обдумывал и писал главу об Агасфере, о его встрече с Христом, о его вынужденном бессмертии и невозможности обрести могильный покой.

*Медленно в гору Он шёл, как согбенная вера,
Остановился, услышав смехок Агасфера...
— Дай Мне напиться, — запёкимся ртом произнёс.
— Если докажешь, что ты настоящий Христос,
Я утолю твою жажду, когда ты вернёшься.
Поторопись! Ты сейчас всё равно не напьёшься.
— Я не спешу с возвращеньем, — ответил Христос.
— Я подожду... может быть, — Агасфер произнёс.
И разглядел Агасфера Христос, и прощенья
Не дал ему:
— Ну, так жди Моего возвращенья!..*

*Золото мира заплачет в убогой нужде:
— Плачьте, народы, рыдайте о Вечном Жиде!*

* * *

“Красота спасёт мир” — какая соблазнительная мысль, но красота бывает роковой, опасной, зловещей, лживой, холодной, бездушной, ревнивой и т. д.

Пушкин это понимал глубже многих своих современников, когда писал о своих кумирах — греческих статуях в Царском Селе: “Бездушный идол, лживый, но прекрасный”. Он думал о такого рода красоте, когда писал “Египетские ночи”... А какой красотой смерти и крови наполнены страницы “Тараса Бульбы”, где запорожцы сражаются с ляхами...

*А если это так, то что есть красота
И почему её обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?*

Бои гладиаторов, как и бои быков, полны “кровавой красоты”. И потому не красота спасёт мир — мир может спасти только совесть.

* * *

Идеология стран и народов перед войной не успевала за бешеным ходом истории.

*Он с гением расы воочью
Беседует бешеной ночью, —*

писал поэт Даниил Андреев об Адольфе Гитлере.

Качели сил исторических раскачивались, и было не известно, кому Гитлер бросит вызов: еврейско-протестантской Британии или русско-еврейскому многонациональному социалистическому миру. Качели качались, и с них слетали многие, не выдерживая крутой раскачки, — Троцкий, Долорес Ибаррури, Эрнст Тельман, Георгий Димитров.

Эпоха антифашизма заканчивалась на глазах. Она была бессильна против “гения расы”. Фашистские партии были во всех странах Европы, и были они много сильнее социалистических.

К концу 30-х годов нам нужно было перемолоть идеологию “пролетарского интернационализма”, постепенно терявшего на фоне фашизма свою силу. Ставка делалась лишь на патриотизм — единственный, свой собственный, потому и появляются фильмы “Суворов”, “Нахимов”, “Адмирал Ушаков”, “Минин и Пожарский”.

Даже Осип Мандельштам в это время пишет искренний цикл стихов, оправдывающий Сталина.

* * *

Песни в России живут по странным и не всегда понятным законам. До сих пор в народной памяти крутятся нэповские “приблатнённые” песни — “Мурка”, “Постой, паровоз, не стучите, колёса...”, “Кирпичики”. Целый век прошёл, а многие романсы на слова Александра Вертинского ещё не умерли... Живы, как это ни странно, цыганские песни из репертуара Вадима Козина. Живы многие песни из кинофильмов 30–40-х годов — “Как за Чёрный ерик...”, “Крутится, вертится шар голубой...”, “Тучи над городом встали...”, “Жили два друга в нашем полку...”, “В степи под Херсоном высокие травы...” Живёт полнокровной жизнью большинство песен Отечественной войны — “Вставай, страна огромная...”, “С берёз неслышен, невесом...”, “Синенький скромный платочек...”, “Тёмная ночь...”, “Прощайте, скалистые горы...”, “Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат...”. Ни у кого из союзников по антигитлеровской коалиции таких незабываемых, почти бессмертных песен рождено не было.

Я думал об этом, когда слушал в июле 2014 года концерт из Юрмалы, куда съехались многие наши “звёзды”. Пугачёва была в ударе — пела хорошо, выразительно. Зал приветствовал её стоя. Тем более, что праздник вёл Галкин. Но... “Жил-был художник один...” “А ты такой холодный, // как айсберг в океане...”, “Женщина, которая поёт”, “Арлекино”...

Несколько песен из репертуара Клавдии Шульженко после неё живут уже полвека, как и песни Леонида Утёсова: “Как много девушек хороших...”, “Есть город, который я вижу во сне...”, “Московские окна”. Даже песни Марка Бернеса нет-нет, да вспоминаются. А о Лидии Руслановой и говорить нечего! А песни Пугачёвой на слова Ильи Резника — будут ли жить после неё? Не знаю, не знаю...

* * *

Главными песнями советской эпохи были гимны и марши: “Интернационал” — партийный гимн, “Союз нерушимый” — советский гражданский гимн, “Широка страна моя родная” — гимн, написанный в честь Конституции, ставший почти народной песней.

Недаром в его текст были вмонтированы чуть ли не буквально статьи основного закона страны: “Человек всегда имеет право // на ученье, отдых и на

труд”, – а также была узаконена статья о равенстве всех народов: “Нет у нас ни чёрных, ни цветных”, – и ещё одна статья – о защите социалистического Отечества: “Но сурово брови мы нахмурим, // если враг захочет нас сломать”. И даже слова “Молодым везде у нас дорога, // старикам везде у нас почёт” тоже звучали как своеобразная гарантия “прав человека” при социализме. А строка “По заслугам каждый награждён” подтверждалась возникновением в нашей элите людей из простонародья – Алексея Стаханова, Паши Ангелиной, Максима Кривоноса, Валерия Чкалова, Ивана Папанина, пограничника Карацупы и многих других героев сталинских пятилеток, чьи имена навсегда вошли в историю страны.

Чудеса советской песенной стихии заключаются в том, что песни, написанные буквально на злобу дня, обслуживавшие прагматические интересы государства, созданные по заказу времени, зажили своей жизнью и живут в душах чуть ли не трёх поколений, не теряя своей жизнеспособности.

Их слова не забываются, их мелодии в любое время могут быть подхвачены людскими массами, наверное, потому, что в них жила правда истории. Иначе они бы умерли своей смертью после смерти Сталина.

Вот какие мысли пришли мне в голову на Красной площади в тот день, когда перед мавзолеем, закрытым трёхцветным полотнищем, зазвучали песни государства, созданного скрытым от народа Лениным и перезахороненным Сталиным.

Нужен был стране уголь, и словно по мановению волшебной палочки рождалось кино “Большая жизнь”, и над страной взлетала песня “Спят курганы тёмные...” Нужно было возвеличить и сделать перед войной почётной пограничную службу, и, как по заказу, взлетала в небо бессмертная, ставшая известной всему миру “Катюша”. И на экраны выходил фильм о Карацупе и Джульбарсе. Не хватало на производстве мужских рук, понядобились женские, и тут же зазвучала песня “А ну-ка, девушки, а ну, красавицы”, а следом за ней “Если ранили друга, // сумеет подруга // врагам отомстить за него”. Нужно было после жесточайшей коллективизации оправдать и прославить колхозы – и сразу же снималось кино “Трактористы”, издавалась поэма “Страна Муравия”, и на всю страну из чёрных репродукторов неслось: “Будьте здоровы, живите богато, а мы уезжаем до дома, до хаты”. Осложнялась мировая обстановка, приближалась война, угадывались в будущей войне главные противники – Германия и Япония, – и словно сами собой в предвоенный воздух взлетали песни: “Если завтра война, если завтра поход, // если тёмные силы нагрянут...” и “Три танкиста, три весёлых друга – экипаж машины боевой”. А киномеханики по всей стране крутили фильмы “Александр Невский”, “Суворов” и “Минин и Пожарский”. Вспыхнула война в Испании, и наши добровольцы отправились на Пиренеи под песню “В далёкий край товарищ улетает...”

Нужно было воспитать и вырастить к будущей войне здоровую молодёжь, и, словно по заказу, был создан кинофильм “Вратарь” с не умирающей до сих пор песней, под которую можно было шагать по Красной площади: “Эй, вратарь, готовься к бою, // часовым ты поставлен у ворот...” Надо было добавить оптимизма в трудную довоенную жизнь, и вся страна запела: “А ну-ка, песню нам пропой, весёлый ветер...” И неважно, что эта песня звучала в фильме по роману Жюль Верна.

В ту эпоху всё шло в дело. Попробовали японцы затеять с нами схватку на озере Хасан, и на другой день после нашей победы народ запел: “Мчались танки, ветер поднимаемая, // наступала грозная броня, // и летели наземь самураи // под напором стали и огня”.

И никакой конъюнктуры в этом не было, была необходимость, которая диктовалась не решениями партии и правительства, а инстинктом общества, его здравым смыслом и талантом наших поэтов, киношников и композиторов.

А как самозабвенно и расчётливо работало советское песенное искусство на армию! Нужна была песня или марш для танкистов – и он возникал сразу: “Броня крепка, и танки наши быстры...”

Нужно было вдохновить словом и песней лётчиков – и трое великих артистов Крючков, Меркурьев и Чирков в фильме “Воздушный извозчик” так исполнили песню “Пора в путь-дорогу, // в дорогу дальнюю, дальнюю, дальнюю идём...”, что она живёт до сих пор.

Нужно было поддержать бойцов, оторванных войной от своих любимых, вселить веру в победу и в радостную встречу после войны – и появляется бессмертная песня “Тёмная ночь...” из фильма “Два бойца”.

Из песни слова не выкинешь, и песню не выкинешь из истории.

Мобилизация той эпохи была предельной. Страна жила по закону – всё для будущей войны. Токарные станки назывались ДИП, то есть “догнать и перегнать”.

Помню почтовую марку – подросток-юноша, склонённый над “дипом”, на другой, зелёной марке – красноармеец, на третьей, синей – лётчик в шлеме. Почти те же самые фигуры были на денежных знаках. Всякую катастрофу, всякое крушение какого-либо проекта советская эпоха превращала в победу. Застраля во льдах “Челюскин”, надо спасать экипаж – это сделали несколько лётчиков, которые все стали героями Советского Союза. Начался подлинный культ авиации, из поражения вышла победа так же, как из крушения самолёта Осипенко, Расковой и Гризодубовой. И девушки после этого пошли в авиацию.

Даже драма Павлика Морозова помогла подъёму советского патриотизма у деревенских ребят, а трагедия Корчагина, обернувшаяся книгой “Как закалялась сталь”, вообще стала феноменальным примером для предвоенной молодёжи.

Культ не Ленина, не Сталина, не Дзержинского, а именно людей из народа – Стаханова, Чкалова, Морозова, Корчагина, – высшей воли и высшей силы, называемой историей народа, словно бы говорил людям того поколения: хотите сохранить родину и выжить в мировой борьбе за жизнь под солнцем – поступайте так, как до вас поступали эти сыновья и дочери России.

Я пишу эти строки, гуляя в парке с озером около Фёдоровской глазной больницы. Смотрю – ялики плывут по озеру, узбеки жарят шашлыки, дети бегают, и вспоминаю стихи Осипа Мандельштама: “Вся Москва на яликах плывёт”, “Могучий некрещёный позвончик, с которым проживём не век, не два!”, стихи середины 30-х годов, когда Сталин уже сказал: “Мы отстали от передовых стран на 100–150 лет. За 15 лет нам надо наверстать отставание, или нас сомнут”. Он был прав, он слышал “бешеный голос гения расы”. Сталин понимал, что “европейское единство” – миф, последняя иллюзия спасения Европы была развеяна в Испании.

* * *

Артист Георгий Жжёнов, побывавший при Сталине на Колыме и обаятельно игравший образы советских генералов, во время моего разговора с ним в храме Христа Спасителя сказал, как отрезал:

– Ненавижу ваших Ленина и Сталина!

То же самое теми же словами сказала мне сестра моей бабки тётя Маша, жившая в Калуге на кухне у дочери, немощная, с сухоткой в спине. Как сейчас помню её, закутанную в старую цветную шаль, с изработанными руками, с впалыми щеками, с чёрными, не тронутыми сединой волосами:

– Ненавижу ваших Ленина и Сталина!

Ну, что было тогда мне ей ответить, первокурснику МГУ, поступившему в 1952 году на филологический факультет? Что если бы не Сталин, то тогда ей пришлось бы доживать жизнь при Гитлере? Она же не знала, что если бы не колхозы, если бы не непосильные налоги, если бы ещё одно, другое, десятое, то мы ни за что бы не победили в войне...

Вот она, незаживающая рана истории: и у раскулаченных казаков, и у раскулаченных крестьян, и у Стеньки Разина, и у Емельки Пугачёва была своя правда.

Почему трагедия является высшим жанром литературы? Потому что в ней сталкиваются две правды, одна из которых должна погибнуть, чтобы человечество вечно жалело о её гибели.

* * *

Наши футболисты через год после окончания войны разгромили на родине футбола в Англии несколько лучших английских команд с общим счётом 19:9. Ура! Мы в Калуге торжествуем. Я ведь тоже играю в футбол за молодёжную команду, вот только бутсов мне по ноге не нашли.

Привели на стадионе в каптёрку – там горада бутсов: выбирай! Я выбрал какие-то покрашенные серебряной краской. “Это бутсы Подковинского!” – с восторгом сказал мне тренер. А Подковинский до войны был в Калуге лучшим нападающим! Погиб на фронте. Я меряю бутсы – они 40-го размера, всё равно мне велики, но я их беру: бутсы Подковинского!

На другой день выхожу на поле, но сначала обуваю синие резиновые тапочки, а потом на них – знаменитые бутсы. Чтоб нога не болталась. Тяжело вато бегать, но можно! Забиваю первый гол в этих легендарных бутсах, но на второй тайм от усталости не выхожу.

Спорт был нашей стихией. Вместе со своими друзьями я стал гимнастом, потом – пловцом, даже первенство города выиграл, потом – шахматистом, получил первый разряд; а в волейбол в парке культуры мы играли до изнеможения на первенство города среди школьников.

А эстафета по городу? Меня ставили на самый трудный этап – бежать по Берзுவескому оврагу и выбегать в горку, на его крутой берег. Кроссы! Призы! Аплодисменты!

И никакого коммерческого соблазна, разве что кормёжка на областных соревнованиях да спортивный костюм в качестве приза. “Чтобы тело и душа были молоды...”

* * *

Мною во всех моих дерзких и неосторожных с точки зрения здравого смысла поступках двигало одно чувство – поиск истины. А силу и решимость мне всегда давало сознание своей правоты.

Когда оно приходило ко мне, меня невозможно было остановить, отговорить, запугать. Мои идейные недруги часто распускали слухи, что за мной во время такого рода поступков, нарушающих всяческие “табу”, стоят некие силы: националистические, партийные, кагэбэшные... Глупцы. Я всегда действовал в одиночку, отвечая лишь за самого себя, создавал себя абсолютно независимым в своих поступках. Даже когда я шёл на дискуссию “Классика и мы”, я никому не показывал своего выступления, ни с кем не советовался. Даже с Кожинным. Побеждать в одиночку – задача тяжёлая, но крайне увлекательная. А потому, на мой взгляд, никакого “русского ордена” в ЦК КПСС не было. По крайней мере, я о нём ничего не знал и ни на кого не надеялся, кроме как на самого себя. Я знал, что во время всех своих “выходок” я успею сказать столь важные вещи, после которых хоть что-то, но должно измениться.

Конечно, синяков, шишек, выволочек, притеснений после этого я получал немало.

Но на душе всегда после таких напряжённых и рискованных авантур у меня становилось легко и светло от сознания своей моральной победы и чувства исполненного долга. Перед кем? Перед русской жизнью, перед русской историей, перед своей совестью... А на все сопутствующие этому чувству неприятности житейские мне было наплевать.

* * *

Мы с сыном понимали, что наша работа в 90-е годы над книгой о Есенине, в сущности, есть работа по осмыслению истории России XX века, русской идеи, русского будущего. Мы понимали, что работаем в страшное для России время и что именно сейчас разгадка судьбы и творчества Есенина для России – словно бы последняя роковая ставка, которая поможет выиграть борьбу за историческое будущее. В процессе работы нам становилось всё очевиднее, что разгадать тайну Есенина – значит разгадать тайну и причины русской трагедии XX века. Без этой разгадки будущее России неясно.

Гоголь как-то заметил, что Пушкин – это идеальный тип русского человека, который во всей полноте открывается для нас лет через двести. Есенин боготворил Пушкина, но вся закавыка в том, что сам он не был человеком пушкинского склада и что не пушкинский тип (“человек меры”), а есенинский

("человек без предела") определил ход русской истории в XX веке и характер русской революции.

Люди есенинского склада, о которых Достоевский говорил, что их "сузить бы надо" ("широк русский человек!"), определили в нашем столетии размах и стиль основных российских событий. Люди есенинского склада были главной силой у большевиков и у белогвардейцев, у анархистов и у донских казаков, у антоновцев и продармейцев. Разве Григорий Мелехов – не человек есенинской складки? Эти люди во взаимной самоубийственной борьбе за правду не могли удержаться от соблазна "перевеситься через край", оттого русская революция и стала такой глубокой, такой великой, такой кровавой и такой героической. Главные черты людей этого типа – безмерная одарённость, духовный фанатизм, отсутствие чёткой границы между злом и добром, совершенно непонятное западным людям богоборчество, замешанное на религиозном чувстве, способность прожить за одну жизнь как без несколько жизней, пренебрежение к чужой судьбе и к собственной жизни...

Всё это, вместе взятое, и есть то, что мы порой называем "русскость". Аполлон Григорьев как-то сказал, что "Пушкин – наше всё". В XX веке "наше всё" – это Есенин.

* * *

Геологический посёлок Поморье, в котором я не был несколько лет, за это время (1989–1992) был разрушен до конца какими-то то ли чеченцами, то ли таджиками, выкупившими его за копейки у геологической экспедиции.

Гусеницы от тракторов, как мёртвые змеи, лежали, вмёрзшие в жёлтый ледяной песок, кругом извивались изуродованные тросы, торчали коробки скоростей, ржавые радиаторы, автокраны со сломанными стрелами. Кусок плаката: "Приглашаем на танцы", – и танцующие фигурки медведя с лисой. Рисунок выцветший, словно на гробницах египетских пирамид. Декорации для фильмов о конце света.

Пока не будет похоронен последний солдат – война не окончена. Пока не будет возрождено Поморье – с клубом, с танцами, с детсадом, с теплицами, с попыхвающими из труб буржуйками, с общественной баней, с поликлиникой, с гостиницей, – мы не завершим победу над разрушителями – Гайдаром и Чубайсом. Пока не похоронили их.

Чубайс недавно выступил: "При государстве мочой пахло в подъездах". Сводить бы его в эти подъезды, где пахнет смертью. Средний срок жизни при "моче в подъездах" у нас был 72 года, сейчас – 58.

Ежегодно мы подрастали на 800 тысяч человек, сегодня "усыхаем" на ту же цифру, посёлок Поморье – сейчас это Дрезден и Хиросима после бомбёжки.

Везде валяются вывески полузатоптанные – "Поморье", "С Новым годом!", "Осторожно – злая собака", "Улица имени В. Ф. Фомина", "Общежитие", "Опасная зона".

Кругом расчленённые вездеходы, словно подбитые танки на Прохоровском поле 1943 года.

Парники, теплицы со сварными печками с трубами, обложенными стекловатой... Общежитие с заколоченными окнами, – видимо, хотели уберечь и вернуться. В центре этой помойки стоят две новые рубленые бани – на продажу их срубили бомжи, здесь уютящиеся в деревянном вагончике.

В двух-трёх бараках – замки на дверях. Кругом измятые цистерны, искалеченные моторы, телеграфные столбы с оборванными проводами. На развалинах бродят собаки, пятнистый бультерьер с печальными глазами. Очеловечился. Ни одной женщины. Нет ни детей, ни сохнувшего белья на верёвках. Детская коляска стоит вверх колёсами возле цветочной клумбы. Женщины в такой разрухе не живут.

Двухэтажный щитовой дом с провалившейся кровлей, рухнувшими перекрытиями... Всё дерево – серое, серебристое – перемежается с горами ржавого железа.

Но есть штабеля пятиметровых брёвен – выпилен даже подтоварник. Автокран грузит эту древесину на прицеп, прицеп уходит на Запад – идёт открытое воровство леса.

Телевизионная тарелка висит над всей этой разрухой.

* * *

Наслаждаюсь русскими пословицами и поговорками. Иногда, словно пушкинский Скупой рыцарь, я перебираю их в подвалах своей памяти и, словно золотые монеты или драгоценные камни, пересыпаю в ладонях.

“Помирать собрался, а рожь сей”, “Жизнь прожить – не поле перейти”, “По одежке протягивай ножки”, “Не было бы счастья, да несчастье помогло”, “На миру и смерть красна”. Что значит “красна”? “Прекрасна”? “Желанна”? “Не страшна”? “Привлекательна”? А скорее всего – всё сразу.

“Нет худа без добра” – какая глубокая мысль, о которой Гегель по-своему, по-немецки думал и писал всю жизнь, исследуя диалектику бытия.

А “С волками жить – по-волчьи выть”? Каков смысл этой пословицы? Что она означает – злость? Отчаяние? Покорность?

А сколько афоризмов из Священного Писания русское “пословичное” море забрало в свои глубины, сделало “своими”: “Мне отмщение, Аз воздам”, “Блаженны нищие духом”, “Око за око”, “Не судите, да не судимы будете”, “Ищите и обряцете”, “Имеющий уши, да слышит”, “Много званых, да мало избранных”, “Кесарю кесарево, а Богу Богово”, “Да минует Меня чаша сия”, “Умываю руки”, “Имя им легион”, “Соль земли”, “Не мечите бисер перед свиньями”, “Ныне отпускаеши”, “Не хлебом единым жив человек”, “Не ведают, что творят”, “Для Бога мёртвых нет”, “В начале было Слово”, “Глас вопиющего в пустыне”...

Поистине, то, что наш язык впитал в себя как нечто родное и естественное – истины из Священного Писания, превратив их в свои пословицы и поговорки, – есть одно из важнейших соображений, что выбор веры Святым Владимиром был единственно верным и безошибочным.

* * *

История России складывается не столько по “уложениям”, “конституциям”, “уголовным кодексам”, царским и советским указам, сколько по пословицам и поговоркам:

“Не до жиру – быть бы живу”, “Нет худа без добра”, “На миру и смерть красна”, “Моя хата с краю”, “Помирать собрался, а рожь сей”, “Под лежачий камень вода не течёт”, “От добра добра не ищут”, “С сильным не борись, с богатым не судись”... Это, видимо, и есть жизнь не “по закону”, а “по понятиям”, выработанным народной душой в течение тысячелетий. Пословицы и поговорки много древнее русских былин, народных песен и, наверное, даже древнее сказок. Они – осколки нашего “пра-сознания”, каким-то чудом дожившие до нашего времени и сохранившие всю свою мудрую свежесть. В них нет ничего архаичного. Они не стареют.

* * *

Когда в конце 20-х годов идеология советской страны отказалась от мировой революции и выбрала единственно возможный в тех условиях путь – построение социализма в одной отдельно взятой стране, – то сразу изменились суть и характер советских песен.

От воспевавших героическую торжественность “Смело мы в бой пойдём // за власть Советов, // и как один умрём // в борьбе за это...”, “Вдруг боец молодой // вниз поник головой – // комсомольское сердце пробито...”, “Мы сами копали могилу себе, // готова глубокая яма...” поэты и композиторы дружно присягнули на верность социальному оптимизму: “Здравствуй, страна героев, // страна мечтателей, страна учёных!”, “Ну-ка, солнце, ярче брызни, // золотыми лучами обжигай! // Эй, товарищ! Больше жизни! // Поспевай, не задерживай, шагай!”, “Нас утро встречает прохладой, // нас ветром встречает река, // кудрявая, что ж ты не рада // весёлому пенью гудка?”...

И эта песенная стихия широко развивалась до конца 30-х, когда её стали вытеснять песни, готовящие народ к более страшной и судьбоносной войне.

* * *

Не зря дореволюционная песня “Раскинулось море широко...” была столь популярна в России, — по крайней мере, несколько десятилетий. Главный её герой — кочегар, вечный труженик, человек долга, рядовой солдат русской истории — был понятен и близок народу. В нём люди долга и тяжёлого труда узнавали самих себя. Это человек, близкий капитану Тушину из “Войны и мира”, или герою песни Исаковского “Враги сожгли родную хату...”, или Ивану Африкановичу из повести Василия Белова “Привычное дело”. Герои песен “Тучи над городом встали...” или “Спят курганы тёмные...” — его родные братья. Они все из одной многолюдной народной семьи. Сейчас новому времени такой герой не нужен, и великая песня “Раскинулось море широко...” забыта, как “Кирпичики”, как “Спят курганы тёмные...”.

* * *

В конце восьмидесятых годов все популярные экономисты (Шаталин, Шмелёв, Абалкин, Гайдар) вбивали в головы советских обывателей две догмы.

Первая: “Чем больше в нашей стране будет богатых людей, тем богаче будет всё общество”. “Огонёк”, “Литературная газета”, “Аргументы и факты” просто слюни роняли от умиления и восторга, проповедуя эту истину.

И второе, что постоянно несло из уст экономистов-реформаторов: “Да не надо бояться жить в долг, МВФ и западные банки готовы помочь нам, берите! Весь мир живёт в долг. И ничего. Не рухнет!..”

И вот наступают времена, когда по закону о “разделе продукции” ежегодно половину заработанных богатств мы вынуждены отдавать за долги. Поэтому у нас начнут вымерзать и вымирать вслед за Приморьем и Забайкалье, и Восточная Сибирь, и Северо-Западные земли.

Долги не страшны богатым странам, а потому они были не страшны и Советскому Союзу, население которого совершенно не ощущало на себе их тяжести.

Сегодня взяли в долг для удобства, перехватились, завтра отдали — и никакого потрясения.

А для стран бедных долги — это петля на шее. Причём вечная. Вот так-то, господин писатель Николай Шмелёв. Английский аристократ Ким Филби, работавший на нашу разведку, когда был вынужден бежать от преследования английских спецслужб, поселился в СССР и сел за книгу воспоминаний, в которой восхищался тем, что советские люди, в отличие от англичан, не живут в долг, не берут в банках деньги под проценты, и потому страна не знает ни банковских крахов, ни финансовой паники, когда вкладчики толпами бегут в банки, чтобы спасти свои сбережения.

* * *

Футболисты получают миллионы.

Теннисисты получают миллионы.

Кинозвёзды получают миллионы.

Автогонщики “Формулы-один” получают миллионы.

Я уж не говорю о банкирах, о владельцах крупных компаний, частных и полугосударственных.

Слишком много в современном мире лишних денег, лишних бездельников, лишних мошенников, лишних продавцов воздуха. Необходим всемирный дефолт, который произойдёт либо после Третьей мировой войны, либо во время Страшного Суда.

* * *

Я вошёл в метро с двумя сумками в руках. Свободных мест не было. Оглядев вагон, наполовину заполненный стоящими людьми, я вдруг встретился взглядом с молодым смуглым человеком. “Гастарбайтер”, — подумал я. Он

перехватил мой взгляд и сделал жест рукою: “Мол, идите сюда, я Вам уступлю место”.

Я хотя и нахожусь в преклонных годах, но иногда горжусь своей способностью чувствовать себя моложе своих лет. Поэтому я улыбнулся, покачал головой: “Мол, не надо, сиди!” — и тоже рукой махнул, как бы показывая, что мне нетрудно постоять.

Через остановку большинство народа вышло из вагона, и возле моего гас-тарбайтера освободилось место. Я сел рядом с ним и дружелюбно спросил его:

— Ты откуда?

— Я из Таджикистана, — ответил он.

— А из какого места?

— Из Курган-Тюбе!

— Да ну! А я там в молодости геологом работал, в маршруты ходил!

Мы разговорились и расстались через несколько остановок как друзья.

И когда сейчас я слышу о засилье мигрантов, об этнической преступности, я верю, что так оно и есть, но всегда вспоминаю жест молодого смуглого парня, желавшего уступить мне место в переполненном вагоне.

* * *

Долгие зимы, глубокое промерзание почвы, скудость пахотных земель — всё это на русском беломорском Севере порождало склад человека терпеливого, аскетического, ответственного за каждый свой шаг, умеющего разумно беречь и расходовать и средства, и время, и силы.

Я вспоминаю, что писала в своих книгах Инесса Арманд, да и другие революционеры, жившие в ссылках в Вологодской и Архангельской областях, их жалобы на пассивность народа, на его нежелание участвовать в революционных переменах, помню их жалобы на “дикость”, “забитость” аборигенов. Недомёк им, этим инессам, было, что только терпенье и постоянные труды способствовали “нарастанию” на северной почве “жизненной плёнки”, ранимой, как белый мох ягель.

Это всё рассказано до революции писателем-путешественником Сергеем Максимовым, а потом — Николаем Ключевым, Фёдором Абрамовым, Алексеем Ганиным, Николаем Рубцовым, Василием Беловым.

Помню, какое впечатление на меня произвела книга Василия Белова “Лад”. Прочитав её, я понял, почему в северном крестьянском хозяйстве ничего не выбрасывают, всё донашивают — валенки, тулупы, посуда служили нескольким поколениям. Всё шло в дело. Великий инстинкт бережливости и уважения к предметам труда человеческого, забытый ныне мерзким обществом потребления, к которому нас приучают, был спасителем для России, прижатой к Ледовитому океану, с её заморозками и засухами. Помнится, как Николай Ключев писал: “Свить сенный воз мудрее, чем создать “Войну и мир” иль Шиллера балладу”.

Алексей Ганин вспоминал, что своего хлеба им хватало лишь до Михайлова дня, Николай Рубцов восхищался празднично-трудовой картиной колхозной жизни:

Давно ли, гуляя, гармонь оглашала окрестность?

И сам председатель плясал, выбиваясь из сил,

И требовал выпить за доблесть в труде и за честность,

И лучшую жницу, как знамя, в руках пронесил!

Но в этих северных деревнях не принято жить праздно, не положено тратить время на пустые разговоры, на безделье и развлечения, столь обычные для городской жизни.

Есть у нас старики по сёлам,

Что утратили будто речь:

Ты с рассказом к нему весёлым —

Он без звука к себе на печь.

Это — тоже Николай Рубцов.

Либералы и русофобы заклеили нашу страну клеймом “дураки и дороги”. А Николай Рубцов в стихотворении “Старая дорога” открыл для себя великую поэтическую сущность Родины.

Нет “дураков и дорог”, есть нестеровский отрок и сказочное чудесное бездорожье, по которому он бредёт и говорит сам себе: “Как царь любил богатые чертоги, // так полюбил я древние дороги // и голубые вечности глаза”. Он, этот отрок, полюбил всё, что видит вокруг: и “полусгнивший овин”, и “хуторок с позеленевшей крышей” – все останки, все руины сказочного земного царства. “То по холмам, как три богатыря, // ещё порой проскачут верховые...” Всё принимает, всем любит его душа – и “росистыми лесами”, и мягкой тёплой дорожной пылью, и “июльскими деньками в нетленной синенькой рубашке”, и белоголовыми ромашками, качающимися по сторонам дороги... Мир, изображённый Рубцовым в стихотворении, таков, как будто он только вчера сотворён по Божьему велению.

В этом мире нет зла, нет мертвящей человеческой цивилизации. “Здесь каждый славен – мёртвый и живой!”, в нём “душа звенит, переключаясь // со всей звенящей солнечной листвой”. Здесь душа переключается с “духом России”, здесь время застыло, здесь дорога, “заросшая травой”, не втоптана, не изуродована, и над всем этим девственным миром, только что сотворённым, “плывут, плывут, как мысли, облака”.

Кто-то сказал мне, ну, об этом и Бродский писал в стихотворении “Пилигримы”, – у Рубцова ведь тоже “мгновенны и незримы, // идут по ней, как прежде, пилигримы”.

Увы! Стихотворение Бродского – это не благоговение перед Божьим миром, а протестантский вызов этому миру – материальному, жестокому, пошлomu. Его пилигримы идут не среди “холмов” и “ромашек”, а по комфортабельным дорогам, мимо “автозаправок” и “роскошных баров”, идут с жутким предчувствием, что этот мир Содомы и Гоморры рано или поздно провалится в тартарары, в отличие от рубцовского райского мира, от рубцовской травянистой дороги, по которой идёт то ли Иванушка-дурачок, то ли добрый Филя.

В рубцовской нетленной сказке время остановлено, но “здесь русский дух в веках произошёл, // и больше ничего не происходит”.

А больше ничего и не должно происходить, ибо проходит облик мира сего. “Но этот дух пройдёт через века”, потому что “дух дышит, где хочет”.

Франция была глубоким фашистским тылом. Полтора миллиона французских пленных солдат работали в немецком плену на фашистскую Германию.

Француженки, спавшие с немцами, были острижены своими соплеменниками после освобождения страны. Но их соплеменники-мужчины сами отдали своих женщин на растерзание врагу, а отыгались на женщинах.

Слабые безвольные мужчины, позорно предавшие своих женщин. Французские шансонье – Ив Монтан, Эдит Пиаф и многие другие – услаждали в парижских кабаре и ресторанах слух немецких офицеров, приехавших на отдых, в том числе и с Восточного фронта.

Восемь тысяч французоз, сотрудничавших с немцами, после победы союзников были приговорены кто к смерти, кто к тюрьме. Но в 1953 году последние коллаборационисты были освобождены, и де Голль свернул их преследование, чтобы объединить нацию. В недавнее время миллион французоз вышел на улицу под лозунгом “Мы – Шарли”, и это несравнимо с гитлеровским завоеванием Франции. В пору немецкой оккупации несколько десятков тысяч французских евреев при помощи французских полицейских и французских обывателей были отправлены в Майданек и Освенцим. Так что французы могут быть, в зависимости от обстоятельств, и коллаборационистами, и патриотами, и юдофилами, и антисемитами. Очень гибкая нация. И никакими несколькими десятками лётчиков из эскадрильи “Нормандия-Неман” этой обывательской потребительской слабости французского этноса не испугать.

* * *

Навестил я свои языческие мегорские капища, Господи. Поглядел – ислевшее железо, пепелища, бутылки; вышел на берег, посмотрел на север – золотая полоса, на запад посмотрел – чёрный поток Мегры. На восток – зубчатая кромка леса. Услышал стаи лебедей, хорканье вальдшнепов, шум водяных струй и сказал коленопреклонённо:

– Спасибо за всё, Господи, за всю нерукотворную красу Твоего земного мира, который Ты дал мне увидеть в срок жизни моей.

Хотел было хвалу свою вложить в речь человеческую, да испугался: скажу первое слово, и ангел мой наложит печать на уста мои.

* * *

Февраль 2014 года.

Впервые, наверное (американцам-то не привыкать!), в российской средней школе ученик одного из старших классов внёс в класс закутанное в куртку ружьё (металлоискатель не сработал) и расстрелял сначала учителя географии, а потом несколько своих одноклассников.

В 50-е годы прошлого века у нас была такая безопасная жизнь, что охотничьи ружья, патроны, порох и дробь мы покупали свободно.

Домашние адреса и телефоны любого жителя Москвы и других крупных городов можно было получить за какие-то копейки в любом справочном бюро, то есть в киоске, стоявшем на улице.

Я, например, так узнавал, где живут нужные мне писатели, один раз даже узнал, где живет знаменитый тенор Иван Семёнович Козловский, – мне поручили пригласить его на выступление к филологам в МГУ.

Когда я несколько сезонов проработал в геологической партии, то узнал, что при взрывных работах невозможно было украсть или утаить ни одного грамма аммонала. А сейчас откуда берутся взрывчатые вещества для всякого рода взрывов домов, автомашин, поясов шахида?

Я уж молчу о полной безопасности детей, ходивших в школу! И в голову никому не приходило провожать или встречать их. Только лишь за то, что мы утратили эту простейшую безопасность, имена всех, кто затеял смену общественного строя в 1991–1993 годах, должны стоять на самых позорных страницах истории России, а совершившие этот государственный переворот, конечно, должны сесть на скамью подсудимых. Мы настаиваем, что в Киеве должен рано или поздно состояться процесс над Порошенко, Аваковым, Ярошем. Но разве наши Ельцин, Гайдар, Чубайс – лучше?

* * *

2 августа 2014 года.

Смотрел фильм, посвящённый Мариэтте Чудаковой, нашей чуть ли не главной специалистке по Булгакову. “Консультантше”, как он бы сказал.

Действительно, она знает, о чём надо говорить, вспоминая судьбу Булгакова, а о чём надо молчать. Конечно, вспомнила о репрессиях 1937 года, но умолчала о том, что Булгаков радовался, – как писала его жена, – когда арестовали литераторов, травивших его в прессе: Авербаха, Киршона, Литовского, Блюма.

А когда её собеседница в фильме спросила Чудакову, почему никто не донёс властям о том, что у Булгакова есть роман “Мастер и Маргарита”, Чудакова, выпучив глаза, закричала: “Да потому, что вокруг все были порядочные люди, интеллигенты!” Ну, смех, да и только! Киршон, Авербах, Блюм, Соновский – порядочные люди!

Осип Мандельштам прочитал своё стихотворение “Мы живём, под собою не чуя страны...” в кругу “интеллигентов” и “порядочных людей”, но каким-то образом на другой день НКВД стало известно и о стихотворении, и о том, кто его написал, и о том, кто его слушал в авторском исполнении. Словом, “вокруг все были порядочные люди”...

* * *

Недавно нашёл в подъезде на подоконнике, – видно, рука не поднялась у владельцев выкинуть на помойку – книгу Александра Неверова “Ташкент – город хлебный”. Я её знаю с отрочества. Это почти наше семейное предание о том, как моя бабушка после смерти деда от тифа вместе со своей подругой Софронихой ездили, как герой книги Неверова, в далёкий Ташкент обменивать нитки, иголки и какое-то барахло на крупу и муку. Как уж они, две неграмотные сорокалетние женщины, добирались до *хлебного города*, – не знаю, подробно не расспросил, дурак. Девоч своих оставляли в деревне, а сами – в “Ташкент – город хлебный”. Забытая литература о мученьях русского народа в гражданскую войну. Сюда же впишем забытую книгу “Школа” Гайдара, “Разгром” Фадеева, “Железный поток” Серафимовича, “Республика Шкид” Пантелеева и Черных, “Шёл солдат с фронта” Валентина Катаева, “Река Потудань” Андрея Платонова. Неужели всё это богатство обречено сегодня, чтобы его выносили на лестницу или в помойку?

*Умри, мой стих! Умри, как рядовой,
Как безымянные на штурмах мёрли наши...*

Это – у Маяковского.

*Я строил окопы и доты,
Железо и камень тесал...*

Мамонты пятилеток сбили свои клыки...

Это – у Смелякова.

А что сказал Олег Васильевич Волков, когда узрел одичание народа после первых лет перестройки?

“Я отсидел и был лишён в правах. Но я ещё бы отсидел 25 лет, лишь бы всего этого не случилось”.

“Рабочий и колхозница” Мухиной, бронзовые скульптуры станции метро “Площадь революции” – их не забудешь, как и книгу “Ташкент – город хлебный”. Пока я собираю эти книги, стыдливо выложенные на ступеньки лестницы, пока я помню всё, что в них написано, я ощущаю себя “удерживающим” нить времён и последнюю память о них.

“В курганах книг, // похоронивших стих, // железки слов случайно обнаруживая, // мы с уважением ощупываем их, // как старое, но грозное оружие”...

* * *

13 февраля 2012 года.

От передозировки наркотиков умерла популярная американская певица Уитни Хьюстон. И сразу же наша тусовка – Андрей Малахов, Дмитрий Маликов, какая-то сочинительница женских романов Устинова, какой-то Владимир Ленский из Америки организовали на Первом канале на всю страну гражданскую панихиду. Чего только не наслушался наш доверчивый зритель во время этого шабаша. “Дочь Уитни тоже употребляет”, а сама Уитни, оказывается, не раз заявляла: “Иисус любит меня – я это знаю”. Устинова: “Она не пела. Она почти молилась”. Какой-то наш шоумен бородатый внёс свою слезу в общее море рыданий: “Дочь её находилась на грани суицида”. В разговор вмешиваются наши тусовщицы: “Уитни нуждалась в любви”. Какое-то существо с северного Урала делится с миллионной аудиторией своими бесценным опытом – как она завязала с наркотой.

Конечно, Уитни Хьюстон – не Майкл Джексон. Смерть того несчастного весь “тусовочный мир” обсуждал целый год, а Уитни продержалась на ТВ всего лишь недели две.

Но какой почёт, какое внимание наркоманам – мир восхищается их геройской гибелью, как будто они чуть ли не христианские мученики, отдавшие свои жизни во искупление грехов человечества.

Почти в одно и то же время умерла от тех же наркотических причин английская певица Эмми Вайн Хауз – 27 лет отроду, популярная в кругу фанатов не менее, чем Уитни Хьюстон. Её называли “символом Британии”. После её смерти продажа дисков Эмми увеличилась в 64 раза... Наше ТВ обсуждало её кончину с не меньшим азартом, нежели смерть Уитни.

На этом фоне вспоминаю, что Россия не узнала или почти ничего не узнала в те же дни от наших телешоуменов о смерти своих великих сыновей – Леонида Бородина, Юрия Кузнецова, Вадима Кожина, Василия Белова.

Ещё бы! Куда им до американских и английских наркоманов и наркоманок! А Виктора Астафьева, когда он умер, радио “Россия” окрестило “Астаховым”...

* * *

В январе 2001 года я записал отрывок из телевизионного выступления И. Кириенко. Вот что он, в частности, сказал:

“Я не хочу уезжать из России, мой сын – тоже, но надо создать условия, чтобы те, кто не хочет уезжать из России, жили, как в Европе, как в Австралии, и зарабатывали на жизнь не по одной-две тысячи долларов в месяц, а по несколько тысяч”.

В это время в Сибири стояли 50-градусные морозы, от которых лопались рельсы, разрывались трубы, земля промерзала на двухметровую глубину. Во всех механизмах, работавших на открытом воздухе, до предела сгущались моторные и смазочные масла. Запускать такие моторы было сущей мукой. Десятки километров закопанных в землю металлических труб после нынешней зимы на Дальнем Востоке, в Якутии выходили из строя, а “рыночники” вроде Кириенко талдычили о том, что мы должны быть конкурентоспособны в транспортном деле, на птицеводческих фабриках, в производстве зерна и овощей, в строительном бизнесе.

Большевики, искореняя в эпоху военного коммунизма и в посленэповское время частную инициативу, конечно, перегибали палку, но нынешние авантюристы, заявляющие, что мы можем жить, как в обогреваемой Гольфстримом Европе или как в Австралии, пошли ещё дальше. Они в упор не видят России, по просторам которой “Мороз-воевода дозором // обходит владенья свои”.

Жить, как в Австралии, – это означает собирать три урожая в год, строить дома без фундаментов, ходить круглый год в бейсболках и рубашках с короткими рукавами, собирать на своих земельных участках, где стоят дома, лимоны и апельсины.

Я знал, что Кириенко, при котором свершился дефолт 1998 года, мягко говоря, недальновидный экономист. Но что настолько – об этом я не подозревал.

* * *

Ни одна страна в мире не вела таких грандиозных войн, какие вела Россия. Несколько войн русского народа с оккупантами народ вообще называл не войнами, а “нашествиями”. Татаро-монгольское нашествие многих азиатских племён, объединённых в армию Батыя, польско-шведско-литовское нашествие 1612 года, нашествие Наполеона, его “дванадцати языков”, нашествие англо-французско-итальянских войск на Крым и Севастополь в 1854–1855 годах, нашествие Антанты в 1918–1922 годах, состоящей из нескольких государств, включая США, на обессиленную Россию и, наконец, нашествие всей гитлеровской Европы в 1941-м. Однако Россия всегда выходила из этих “нашествий” не просто победительницей, но духовно обновлённой, обретшей особую уверенность в своих силах и веру в свою историческую судьбу, о чём замечательно написал после 1812 года поэт В. А. Жуковский:

“1812 год был для нас важен не одними победами, он открыл нам в самих нас такие силы, которых, может быть, прежде мы не подозревали. Всего важней для народа – уважение к себе: теперь мы приобрели его”.

Так что все попытки врагов России обессилить её, умалить её значение в мировой истории приводили к обратному: Россия в результате “нашествий”

укреплялась и расширялась. “Окрепла Русь. Так тяжкий млат, // дробя стекло, куёт булат”, – писал об этой тайне России Пушкин.

* * *

Вся западная пресса много лет подряд проклинала “берлинскую стену”, потому что за несколько десятилетий при попытках преодолеть её с гэдэзровской стороны и попасть в Западный Берлин было застрелено восточногерманскими пограничниками то ли тридцать, то ли сорок граждан ГДР. Но ведь примерно в то же время, всего лишь за 10 лет, как пишет русскоязычная американская газета “FORUM”, с 1998 по 2008 год, при нелегальном переходе жителей Мексики через границу в США было убито американскими пограничниками более 4000 мужчин, женщин и детей, пожелавших найти лучшую жизнь в Северной Америке. Их расстреливали, как животных, как бродячих собак. Ни одно европейское правительство не решилось на такое бесчеловечное убийство мигрантов даже в самые острые дни кризиса 2014–2016 годов, когда сотни тысяч жителей Ближнего Востока, спасаясь от ИГИЛа, бросались в Европу, ломая пограничные столбы и разрывая колючую проволоку.

* * *

Наша великая война и легендарная Победа достались нам немислимо дорогой ценой в том числе и потому, что во главе Третьего рейха стояли не какие-то мелкие карьеристы, мошенники и шизофреники, но незаурядные люди действия, волевые, циничные политики, коварные дипломаты и пропагандисты, пронизательные руководители спецслужб, образованные и опытные генералы, талантливые изобретатели и конструкторы, гениальные администраторы и фанатичные идеологи. Но у них был один недостаток – они служили мировому злу.

Руководил всей этой элитой Адольф Гитлер. Фюрер. По-русски – вождь. Пропаганда Советского Союза, да и вся пропаганда демократического мира, к которому каким-то боком в 1991 году примкнула Россия, приложила немало усилий, чтобы он остался в мировой истории безумцем, неудачником, тщеславным демагогом, мелким авантюристом. Однако ничтожества никогда не восходили на вершины власти, особенно в истории великих народов. Поэтому бесполезно нам, победившим не просто Германию, но всю коричневую европейскую империю Гитлера, задуматься над некоторыми размышлениями, которые были записаны им на бумаге ещё не вождём, не фюрером, а всего лишь навсего недавним ефрейтором кайзеровской армии, начинающим публичным оратором, сидевшим в 1924 году в баварской тюрьме за игрушечный “пивной путч” и написавшим в недолгой неволе книгу “Моя борьба”, которая была в несколько последующих лет переведена на многие языки мира и напечатана в количестве десяти миллионов экземпляров. Только лишь прочитав эту книгу, можно понять, почему этот человек сначала был вознесён судьбой на вершину власти, славы и почитания, а потом низвергнут в пучину катастрофы и позора вместе со своим великим народом. То, что он не был глупцом, – об этом свидетельствуют его слова о Сталине, сказанные им в тесном кругу соратников 22 июля 1942 года в разгар боёв под Сталинградом:

“И чем больше мы узнаём, что происходит в России при Советах, тем больше радуемся, что вовремя нанесли решающий удар. Ведь за ближайшие десять лет в СССР возникло бы множество промышленных центров, которые постоянно становились бы всё более неприступными, и даже представить себе невозможно, каким вооружением обладали бы Советы, а Европа в то же самое время окончательно деградировала. . .

И было бы глупо высмеивать стахановское движение. Вооружение Красной армии – наилучшее доказательство того, что с помощью этого движения удалось добиться необычайно больших успехов в деле воспитания русских рабочих с их особым складом ума и души.

И к Сталину, безусловно, тоже нужно относиться с должным уважением. В своём роде он просто гениальный тип. . . А его планы развития экономики

настолько масштабны, что превзойти их могут лишь четырёхлетние (немецкие. — **Авт.**) планы. Сила русского народа состоит не в его численности или организованности, а в его способности порождать личности масштаба Сталина. По своим политическим и военным качествам Сталин намного превосходит и Черчилля, и Рузвельта. Это единственный мировой политик, достойный уважения. Наша задача — раздробить русский народ так, чтобы люди масштаба Сталина больше не появлялись”.

А Сталин, узнав о самоубийстве Гитлера, сказал лишь два слова, объяснявшие суть и причину его гибели и гибели его дела: “Доигрался, подлец!” — наконец-то гениальному игроку не повезло — вот суть сталинского приговора.

Но коричневые семена в европейской почве ждали своего часа. В Европе, прошедшей через гитлеровские расовые соблазны, как было не появиться выросшему благодаря ювенальной юстиции в приёмной семье ангелу мщения Брейвику, возмужавшему одновременно с палачами из армии всемирного Халифата.

Крот истории роет почву медленно, но рано или поздно вылезает на её поверхность.

* * *

Великие русские писатели, начиная с Пушкина, все давали клятву верно-сти русскому языку с не меньшей страстью, с какой врачи всех времён давали клятву Гиппократа.

Николай Заболоцкий:

*Тот, кто жизнью живёт настоящей,
Кто к поэзии с детства привык,
Вечно верует в животворящий
Полный разума русский язык.*

Ярослав Смеляков:

*Владыки, и те исчезали
Мгновенно и наверняка,
Когда невзначай посягали
На русскую суть языка.*

Анна Ахматова:

*Не страшно под пулями мёртвыми лечь,
Не страшно остаться без крова,
Но мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.*

В. Маяковский — в стихах на смерть Есенина:

*У народа, у языкотворца
Умер звонкий забулдыга-подмастерье.*

А. Твардовский:

*Вот стихи, и всё понятно,
Всё на русском языке.*

Но как тяжело выживать сегодня русскому языку, когда я читаю в городе Лесосибирске, что в Красноярском крае, название закуской “Оклахома”.

Да, мы поступали в 20–30-е годы с молодой дерзостью, когда переименовывали Петроград в Ленинград, Царицын в Сталинград, Екатеринбург в Свердловск, но эти названия соответствовали гигантским сдвигам в нашей и героической, и трагической истории.

И даже деяния наших колхозников и всяческих мастеровых в сибирском городке Тайшете, куда я полвека тому назад приехал работать, были зарубками на теле нашей русско-советской истории: “Красный партизан”, “Красный кустарь”... Смешно? Наивно? Может быть, главное, что на нашем языке сказано: “Я русский бы выучил только за то, // что им разговаривал Ленин”, – и это было не просто эффектной фразой, это было фактом мировой истории. Даже колхоз “Красный партизан” и сапожная мастерская в Тайшете “Красный кустарь” – это наша русско-советская отметина времени.

Смешно? Трогательно? Но всё равно гораздо хуже и смешнее сегодняшние дела, когда на “Евровидение” Д. Билан или Д. Колдун “биланят” и “колдуют” на ломаном английском. Одна в этом печальная радость – что они оскверняют не русский, а английский язык. Однако язык – это гораздо более серьёзное дело, нежели вывески и рекламная болтовня. Хуже другое: они живут не в Оклахоме, а в России.

Президент Медведев поздравляет с юбилеем Гребенщикова, приезжает к нему на дом.

Не к Распутину, не к Белову, не к Кожинуву – к Гребенщикову. Тинэйджер, у которого Л. Долина – председатель комитета по культуре. У них нет России, у них есть “Оклахома”.

Мы, русские писатели, отеснены на периферию культуры громадными деньгами, которые вкладываются в сериалы, в развлекаловку, в “бытовуху”, в программы Малахова, Диброва, Галкина, в “Евровидение”, где Билан и Колдун якобы представляют Россию. Но на “Евровидении” македонка поёт по-македонски, белоруска – по-белорусски, немцы – по-немецки. И лишь наши биланы и колдуны поют на “инглише”. В Европу хотят. “Оклахома” проклятая!

Однажды я встретился с немецким профессором-славистом, и разговор у нас зашёл о народных песнях. Профессор заговорил о странностях русских народных песен.

– Ну, подумайте! В популярной песне вашей “Бродяга к Байкалу подходит, рыбацкую лодку берёт...” Но ведь лодка эта – чужая собственность! Как так можно! А вы поёте, восхищаетесь. А дальше: “Навстречу родимая мать: // “Ах, здравствуй, мамаша, а живы ль // отец мой и брат?” – и мать отвечает ему: “Отец твой давно уж в могиле, // землёю сырою зарыт, // а брат твой в далёкой Сибири // давно кандалами звенит”. Зачем петь такую песню – ведь семья-то криминальная!

Ничего не понял немец в нашей жизни – ни её глубины, ни поэзии, ни великой истории... Он сути языка не знает.

10 июля 1994 года французский парламент, борющийся с американским влиянием, принял закон о языке, в котором были такие слова: “Французский язык является главным историческим культурным наследием Франции”... Не Лувр, не Шартрский собор, не Нотр-Дам де Пари, не Центр Помпиду, а язык! Неужели мы никогда не впишем в свой закон о русском языке подобные золотые слова! Ну, в крайнем случае, возьмём их себе в качестве контрибуции за нашествие Бонапарта на Россию. “И назовёт меня всяк сущий в ней язык”, – писал Пушкин о своей русской судьбе. А потому день русского языка можно будет считать праздником всего русского народа.

* * *

Пушкинская формула патриотизма может нам объяснить многое в разговоре о русской и русскоязычной литературе...

Невозможность для русского писателя “переменить отечество” и отказаться от родной истории – это фундаментальная основа его судьбы.

Язык – это ещё не всё. И на родном языке можно проклинать родину, что делал первый диссидент пушкинской эпохи Владимир Печорин. И на родном языке можно было блистательному публицисту Александру Герцену измываться в “Колоколе” над русской историей так, что Достоевский вынужден был заметить, что автор эпопеи “Былое и думы” не стал эмигрантом, но им родился...

В раннее советское время подлинно русскими писателями и поэтами безо всяких оговорок становились сыновья престонародья: Сергей Есенин, Николай Заболоцкий, Павел Васильев, Николай Клюев, Михаил Шолохов, Андрей Платонов...

Маяковский, сложившийся и проведший юность и молодость в Грузии, а остаток жизни – в бриковском салоне, был стопроцентно советским поэтом с юдофильскими и чекистскими, а заодно и с земшарными комплексами...

То же разделение осталось в литературе военного поколения. Проза Виктора Астафьева и Константина Воробьёва, поэзия Александра Твардовского и Фёдора Сухова были куда более народными и национальными, и русскими, нежели книги Василия Гроссмана, мемуары Ильи Эренбурга или стихи Давида Самойлова, самая ключевая и яркая строчка из поэзии которого, хотя и написана на русском языке, но выражает абсолютно не свойственное русской душе чувство: *“Я хочу быть маркитантом // при огромном свежем войске”*.

И в поколении “оттепели” это деление на русских и русскоязычных осталось.

С одной стороны, Николай Рубцов, Юрий Кузнецов, Глеб Горбовский, Василий Белов, Валентин Распутин, Вадим Кожинов, с другой – Евтушенко, Аксёнов, Войнович и прочие “маркитанты” калибром поменьше, вплоть до Ерофеева.

* * *

Россия – страна слова, страна песни, страна литературы. Русский человек свою родную историю знает не по учебникам, не по историческим исследованиям, а по художественным книгам.

Свою раннюю сказочную историю мы знаем по былинам, своё Средневековье – по “Слову о полку Игореве”, своё Смутное время – по “Борису Годунову”, свои отношения с Украиной и петровскую эпоху – по “Полтаве”, пугачёвщину – по “Капитанской дочке”, наполеоновское нашествие – по толстовскому роману “Война и мир” и лермонтовскому “Бородино”, завоевание Кавказа – по “Казакам” Толстого и “Валерику” Лермонтова, революцию и гражданскую войну знаем по “Тихому Дону” и по стихам Есенина, Великую Отечественную – по “Василию Тёркину” и по многим другим стихам и романам. Литература – это наша вторая религия, и потому гонения на неё равносильны былым гонениям на Церковь. Недаром у нас в каждом городе есть улицы Пушкина, Толстого, Достоевского, Есенина. В Москве стоят несколько десятков памятников русским писателям – больше, нежели учёным, политикам, полководцам, вместе взятым.

Спроси любого человека: кто из русских писателей является Нобелевским лауреатом? Многие вспомнят Бунина, Пастернака, Шолохова, а кое-кто и Бродского с Солженицыным. А ведь у нас много Нобелевских лауреатов и в науке, но кто их помнит? Разве только люди из научной среды.

Недаром Путин во время президентской кампании 2008 года в одной из встреч с народом в Лужниках быстрым шагом взлетел на трибуну, читая на весь зал стихотворение Есенина:

*Если крикнет рать святая:
“Кинь ты Русь, живи в раю!”
Я скажу: “Не надо рая,
Дайте Родину мою!”*

Путин знал, что эта поэтическая минута прибавит ему многие тысячи голосов.

А можно ли себе представить Обаму и Джорджа Буша или Хиллари Клинтон и Трампа, читающих в подобной же ситуации стихи Уолта Уитмена либо Фроста, которых все американцы, постоянно пополняющие электорат, или забыли, или вообще не знали никогда...

Можно ли себе представить, что Ангела Меркель помогла себе во время избирательной кампании стихами Рильке или Фридриха Шиллера?

* * *

Каждый террорист, совершающий террористический акт, особенно если он одиночка, в сущности, приносит в жертву и самого себя, а это значит, что он человек с убеждениями, поскольку его “самоубийственное жертвоприношение”

не приносит победу над врагом – оно всего лишь сигнал для подъёма на борьбу людей сдавшихся, опустивших руки, потерявших волю к сопротивлению.

Таким был сербский студент Гаврила Принцип, убивший австрийского эрцгерцога Фердинанда, таким был полковник Штауффенберг, совершивший неудачное покушение на Гитлера, таким был норвежец Андерс Брейвик, расстрелявший около сотни своих молодых соплеменников из “партии власти”, допустившей такую иммиграционную политику, которая привела к тому, что доля некоренного (“мусульманского”) населения в Норвегии достигла двадцати пяти процентов.

Брейвик совершил свой теракт в июле 2011 года, мусульманские террористы ответили ему через 4 года, утертвив около двухсот человек во Франции и Бельгии.

Брейвик пытался разбудить инстинкт самосохранения у европейцев и получил 16 лет тюрьмы, но одновременно заработал лавры “героя белой расы” в среде правых националистов многих европейских стран. Одновременно с этим многие интеллектуалы Европы сравнили его манифест “2083...” с сочинением Адольфа Гитлера “Моя борьба”.

Кто прав, кто виноват в оценке *белокурой норвежской бестии*, покажет история. Но сущность происшедшего глубже всех нынешних комментаторов выразил сто с лишним лет тому назад наш Василий Иванович Розанов, похороненный в 1920 году в Черниговском скиту недалеко от Сергиева Посада:

“Механизм гибели европейской цивилизации, – писал он, – будет заключаться в параличе против всякого зла, всякого негодяйства, всякого злодеяния; и в конце времён злодеи разорвут мир”.

* * *

Совершено ещё одно сакральное убийство.

Убит Борис Немцов. Я называю такого рода убийства “сакральными” потому, что, во-первых, они совершаются для того, чтобы эхо убийственных выстрелов поворачивало ход истории, а во-вторых, потому что такого рода смерти подтверждают страшную закономерность, гласящую, что “революция пожирает своих детей”.

“Дети” не виноваты ни в чём, кроме того, что создали такую эпоху, в которой возник спрос на заказные убийства, когда появились шальные деньги для оплаты киллеров, покупки оружия, для приобретения билетов на самолёты, перебрасывающие их в считанные часы с места преступления на Кипр, в Америку, в общем, к чёрту на кулички...

“Дело прочно, когда под ним струится кровь...”

Как радовались ельцинские прихвостни, узнав, что 20 августа трое молодых ребят, имена которых сейчас не помнит никто, кроме родных, свалились под гусеницы танков, уходящих из Москвы 21 августа 1991 года.

Всем троим, нелепо погибшим, было присвоено Ельцинским звание Героев Советского Союза. И смех, и грех, и кровь, и слёзы, как будто они погибли в борьбе за советскую власть – сакральные жертвы... Лиха беда начало. Сакральными жертвами вслед за ними один за другим стали маршал Ахромеев, министр МВД Пуго, заведомо ЦК КПСС Кручина, выброшенный из окна 10-го этажа, после них – “врагов революции” – в список сакральных жертв попали Листьев, Старовойтова, Политковская, Звиад Гамсахурдиа и многие, многие другие...

Сакральными жертвами в истории России были Столыпин и Андруша Ющинский (дело Бейлиса), Киров и Березовский, Литвиненко и генерал Рохлин. В Советском Союзе в 70–80-е годы совершалось десять тысяч убийств в год, в годы Великой криминальной революции в России (не в СССР!) эта цифра выросла втрое... Так чего рыдать по поводу ещё одного жертвоприношения на Москворецком мосту? Ну, застрелен очередной симпатичный плейбой, вокруг которого, пока он несколько дней лежал в морге, началась похоронная свистопляска. Все его дети, жёны, любовницы выстроились в очередь к Андрею Малахову в программу “Пусть говорят” и заговорили.

“Боги жаждут” – писал Анатолий Франс о судьбе якобинцев.

А ваш бог – золотой телец – никогда не утолит своей жажды. Бешеные деньги, выпущенные из государственной клетки, гуляют по белому свету, как

в нэповские времена, в эпоху Соньки Золотой Ручки, Лёньки Пантелеева, Миши Япончика и миллионера Корейки. Этот разгул длился до тех пор, пока Сталин не понял, что право на убийство должно принадлежать лишь государству, и более никому... Но даже при нём во время войны и в послевоенные годы, когда у государства не хватало сил для борьбы с преступным хаосом, разом расплодилось “чёрные кошки” — от Москвы до самых до окраин... Я помню то время, помню грабежи, убийства, воровство, мошенничество послевоенного времени, помню многих моих сверстников, соблазнённых блатной жизнью, загремевших в колонии для несовершеннолетних и в настоящие лагеря.

Впереди было “холодное лето 1953-го” — ворошиловская амнистия, фильм “Место встречи изменить нельзя”...

Сакральные жертвы, как правило, воспринимаются не как злонамеренные убийства или отмщение за что-то, а скорее — как жертвы во имя победы новых идей, во имя утверждения порядка жизни в государстве или мирового порядка, во имя своеобразной справедливости. Чаще всего они совершаются в переломные эпохи, во времена революций, контрреволюций, народных восстаний, общественных тектонических сдвигов.

Это и убийство царевича Алексея, и казнь стрельцов на Красной площади. Расстрел Бонапартом бунтовщиков в предместье Сен-Жермен, расстрел декабристского восстания на Сенатской площади, расстрел Парижской коммуны в 1870 году, расстрел народного шествия 9 января 1905 года в Петербурге, расстрел китайских студентов на площади Тяньаньмэнь, это, наконец, расстрел нашего Белого дома в октябре 1993 года... Во время таких “сакральных жертв” силы, осуществившие их, как правило, остаются безнаказанными и неподсудными, потому что они якобы исполняют волю истории. Исключения крайне редки, потому что победителей не судят. Но они, эти исключения, есть. В гитлеровском плане “Барбаросса” были слова о том, что “все народы азиатского типа подлежат уничтожению”, а в своём обращении к солдатам от 1941 года фюрер добавил: *“Вы должны растоптать и уничтожить всё, на чём стоит Азия, и тогда — и только тогда! — мы сможем вздохнуть спокойно... Только на останках народов Азии может зиждиться Великий Рейх”*.

Наверное, и Андерс Брейвик, расстрелявший в июле 2011 года 90 своих соотечественников как предателей белой расы, сдающих Европу и его родную Норвегию азиатам-мусульманам, верил, что выполняет волю истории.

Целых девять лет он писал свой манифест о вырождении Европы и о том, что скандинавы — это тоже племя арийской белой расы, племя, которому надо напомнить своим поступком об этом.

Книга “Майн кампф” в своё время призвала Европу освободиться от евреев, а брейвиковский манифест и, самое главное, — его расстрел опустившихся соотечественников должны были стать началом освобождения Европы от мусульман.

Бунт Брейвика на острове Утейя стал сродни “пивному” мюнхенскому “путчу” Гитлера. Оба после таких своих восстаний попали в тюрьму, осуждённые и законами своих отечеств, и общественным мнением.

“Великое переселение народов”, возмущившее Брейвика, стало сродни великому переселению, разрушившему Римскую империю. Римская чернь, разучившаяся воевать, наслаждалась боями гладиаторов, а сегодняшняя Европа — “боями без правил”. В Риме эпохи упадка педерастия стала нормой жизни, как однополые браки в Европе XXI века. И варвары, жившие здоровой звериной жизнью, и варвары ИГИЛа поняли, что наконец-то у них хватит сил разрушить такой Рим и такую Европу.

* * *

В послевоенной Калуге было немало очагов, в которых тлела мирная обывательская жизнь со всеми её прелестями. По дороге из дома в школу я проходил мимо пивной с названием “Голубой Дунай”.

Там слепой инвалид войны играл на трофейном аккордеоне, который рыдал в его руках:

*Аникуша, Аникуша,
Очи чёрные горят, как угольки.*

*Аникуша, Аникуша,
Если б знала ты страдания мои.*

Ему подносили кружку пива с шипящей пеной, чистили воблу и просили “что-нибудь из Лещенко”. Он растягивал тело аккордеона и выдыхал охрипшим голосом слова щемящей душу песни:

*Упали косы душистые, густые,
Свою головку ты склонила мне на грудь.*

Я задерживался на минуту в дверях пивной, чтобы услышать: “Татьяна, помнишь дни золотые...” — и бежал дальше, чтобы успеть в школу к первому звонку.

А если слепой аккордеонист исполнял “Здесь под небом чужим // я, как гость нежеланный, // слышу крик журавлей, // улетающих вдаль...”, то я приходил в школу ко второму уроку.

... На рынке азартные мошенники охмуряли наивный народ играми в напёрсток, в верёвочку, в три карты: “Вытащишь туз — денег картуз”... Моя бабка Дарья Захарьевна однажды пошла на рынок продать буханку хлеба, а вернулась с пачкой денег, но когда мы развернули пачку, то увидели в середине резаную газетную бумагу, обложенную двумя пятирублёвками с одной и с другой стороны. Это называлось “куклой”. В инфекционном бараке, куда я попал, заболев корью, пожилая санитарка развлекала нас жестокими романами:

*В зелёньком садочке на берегу реки
Стоял красивый домик, там жили рыбаки.
Один любил крестьянку, другой любил княжну,
А третий молодую охотника жену.*

Но одновременно в калужском небе над Окой кружились и другие мелодии, и другие слова: вальс “На сопках Маньчжурии”, “Прощание славянки”, “Летят перелётные птицы...” И вся эта песенная стихия волновала мою душу, глубоко западала в неё и, засыпая под мерный шум самопрялки, на которой бабка пряла овечью шерсть, — волну, как говорила она, — превращая её в нитку, я про себя повторял слова:

*Желанья свои и надежды
Связал я навеки с тобой —
С твоею суровой и ясной,
С твоею завидной судьбой.*

* * *

Сколько в фильме о судьбе Варлама Шаламова неправды, исторической и киношной!

Сам Шаламов говорил о своей судьбе, что его посадили еврейские чекисты — Черток и, в первую очередь, Яков Агранов. А в фильме всё лагерное начальство состоит из русских садистов. “Я — Бог”, — говорит русский охранник-садист и бьёт священника сапогом в лицо. Начальник лагеря Иван Петрович Бондаренко — тоже садист, русские охранники (волгоградский конвой) стреляют в затылки больных и ослабевших эзков. Виталий Костин — инспектор, приехавший в лагерь, — приказывает второй раз арестовать Варлама Шаламова. Приехавший из центра Лупилов — офицер НКВД — тоже садист и тоже русский.

Сценарий фильма писал человек по фамилии Арабов, сделавший самым лучшим эзком в лагере еврея, бухгалтера Оксмана. А лучший в человеческом смысле администратор — латыш Эдуард Берзин (в Вишерском концлагере).

И всё это происходит в годы, когда начальником ГУЛага был М. Берман, а его заместителями — Раппопорт, Плиннер и Кацнельсон.

А в ноябрьской газете “Правда” от 1935 года, когда Шаламов сидел в лагере, был опубликован список награждённых из сорока комиссаров госбезо-

пасности I, II и III ранга, 20 человек из списка – еврейские фамилии. Остальные – латыши, грузины, поляки, русские. Яков Агранов, посадивший Шаламова, был в числе двадцати. Я имею право рассуждать об этом и потому, что был знаком с Шаламовым и в моей библиотеке есть две его книги с дарственными надписями.

* * *

“И мой народ меня благословляет”, – написал Виктор Боков в одном из последних стихотворений.

На переделкинском кладбище похоронили прах Александра Межирова, привезённый из Америки. Межиров понимал, что ему, как Бокову, нельзя сказать о себе: “И мой народ меня благословляет”. Поэтому его прах хоронили люди его семьи, его касты.

Могут ли Ахмадуллина, Евтушенко, Битов сказать с наивной боковской улыбкой о себе: “И мой народ...”? Нет, не могут, не осмелятся. Я ведь тоже не смогу произнести о себе “И мой народ...”, и Юрий Кузнецов тоже не решился бы.

Одному Рубцову было дано такое естественное право сказать “мой народ”, но он сказал это по-другому: “И заживу в своём народе...”

* * *

Бесмыслен спор о том, подлинны или фальшивы “Протоколы сионских мудрецов”. Не всё ли равно, кто их сочинял, на какие источники опирались их тексты? Не всё ли равно, откуда брались идеи и формулировки – из французского ли памфлета времён Наполеона III, из сочинений ли Макиавелли или из “Бесов” Достоевского?

Просто наступала эпоха, когда существование великих империй – Российской, Британской, Германской, Японской, Австро-Венгерской, Оттоманской – стало костью в горле финансового и банковского капитала, жаждавшего власти над миром. “Всё моё”, – сказало злато...”

Надо было сломать религиозные, экономические, геополитические, бытовые, семейные, патриархальные, культурные формы жизни древних народов, превратить их в население, установить везде однообразные парламентарные институты, унифицировать при помощи рыночной идеологии их облик, сломать всяческие авторитарные самодостаточные системы русской, немецкой, сербской, японской, турецкой жизни...

“Протоколы...”, в сущности, жестокая, прагматическая программа мировой денационализированной элиты в борьбе с авторитарными национальными обществами. Это компиляция из самых разных источников руководства для будущего мирового господства. Этот “демократический манифест”, занявший место манифеста коммунистического, – вызов идеологов ещё не окрепшего всемирного финансового олигархата всему древнему, многоликому, богатому красками и формами миру...

Возможно, что их таинственное обнародование было запрограммировано создателями как вызов новой могучей воли, долженствующей стать широко известной.

“Иду на вы!” – возвестили “Протоколы...” всем мировым религиям, всем великим империям, цивилизациям и культурам, родившимся в незапамятные времена.

И какое в этом случае имеет значение, кто их автор, фальшивые они либо нет, коль в таком контексте слово “фальшивые” теряет свой смысл? Да все эти “Протоколы...” можно было сочинить и написать, изучив речи и диалоги Верховенского и Ставрогина, Кириллова и Шатова, Версилова и Ивана Карамазова... Недаром же великий пророк Достоевский был религиозным врагом любой демократии, считая её системой, рано или поздно рождающей диктатуру Антихриста или Великого Инквизитора. “Скоро сильных держав не будет, будут разрушены демократией. Останется Россия” (“Дневник писателя” 1876. С. 493).

Однако у истории человечества ещё хватило воли взбрыкнуть и ответить на первую попытку создания мировой демократии после крушения великих империй появлением на их пепелищах социализма, фашизма, а также пробуждением исламского мира. Племенные, родовые, патриархальные зёрна традиционных обществ перезимовали и дали могучие всходы, но совсем не те, на которые рассчитывали творцы “Протоколов...” И тогда ради осуществления планов мировой демократии пришлось спровоцировать Вторую мировую войну, а в наше время – и Третью под прикрытием планов образования всемирного халифата.

* * *

Книга о Робинзоне Крузо, написанная Даниэлем Дефо, была для нас, мальчишек-подростков, “очищенной” от многих подробностей оригинала, адаптированной к пониманию жизни Робинзона и Пятницы молодёжью советской эпохи.

На самом же деле, если её издать без редактуры и сокращений, она произвела бы на нас отвратительное впечатление.

Во-первых, сам Робинзон Крузо был работником, перевозившим живой чёрный человеческий товар из Африки в Новый Свет и в Бразилию, где у него были плантации сахарного тростника, на которых работали рабы. Да, он отучил Пятницу от людоедства, потому что рабы должны быть живыми... В английской книге о Робинзоне, где не было сокращений, он возвращается в Англию, подсчитывая в уме, какие долги будет выколачивать из своих должников, подсчитывая, какие проценты наросли у него за то время, пока он 28 лет жил на необитаемом острове с Пятницей...

Он радуется, что его ждёт на родине богатство, и чувствует себя счастливым человеком... Словом, жизнь удалась, и никаких христианских чувств ни к Пятнице, ни к своим английским друзьям, ни к родным людям, ни к самому Спасителю он не испытывает... Вот что такое гражданин Англии 17-го века – вершины колониального рабства!

* * *

30 октября 1996 года.

Опять российское радио врёт о том, что у России остались “коммунистические долги” Западу в размере 120 миллиардов долларов. Враньё. Их было не более 60-ти миллиардов. Остальные долги нахватили демократы с 1992 года.

Наш премьер отдаёт Франции даже царские долги! Да они давно отданы хотя бы тем, что русский экспедиционный корпус в 1916 году пошёл, спасая французов, в очередное наступление, закрыв прорванную немцами линию фронта. Мало им этой русской крови? Погибли за Францию... Как торжественно звучит, но при чём здесь какие-то долги столетней давности?

Ну, коли считается, тогда почему нам не получить с Франции компенсацию за пожар и разграбление Москвы французами в 1812 году, за разграбленные сокровища Кремля наполеоновскими мародёрами? А с немцев, требующих “возвращения культурных ценностей”, надо потребовать восстановления Нового Иерусалима и новгородских храмов, взорванных ими во время бегства из Великого Новгорода.

* * *

Всего за последние годы в мире вышло более сорока книг о Бродском. В том числе две книги – в серии ЖЗЛ (Л. Лосева и В. Бондаренко), “Диалоги о Бродском” (Соломона Волкова), “Солженицын и Бродский” (Лев Лосев), “Рыцарь и смерть” (Яков Гордин), “Иосиф Бродский глазами современников” (3 книги Валентины Полухиной), “Мир Иосифа Бродского. Путеводитель”, “Как работает стихотворение Бродского” (из исследований славистов на Западе), “Словарь рифм Иосифа Бродского”, “Милош и Бродский” (Ирена Гросс) и т. д., все книги перечислять не буду.

Добавим к этому списку песни “Памяти Бродского” Андрея Макаревича, песни на стихи Бродского К. Меладзе, Е. Клячкина, П. Мамонова и других шоуменов.

“Вот как надо чествовать имена великих поэтов!” — это я говорю чиновникам из краснодарской губернской администрации, к которым я обратился с письмом об издании книги Юрия Кузнецова к его 75-летию. Они отказали мне в этом.

Оказывается, для посмертной жизни поэта гораздо выгоднее родиться в семье еврейского фотографа, нежели в семье капитана Советской армии, павшего в Крыму при штурме Сапун-горы — его имя есть там, в списке павших.

И гораздо выгоднее покинуть Родину и быть похороненным в Венеции, а не на русском московском Троекуровском кладбище, где лежит Юрий Поликарпович Кузнецов.

* * *

Что-то много у меня стихотворений, где встречается слово “кровь”.

“Ежели кто на крови поскользнулся”, “А наша кровь густая, молодая, // свернулась, извернулась, запеклась”, “Как будто природа сама // твердит нам устами любви, // о том, что сиянье и тьма // повенчаны узами крови. . .” И так далее. Но не один я об этом задумывался.

Вот и у Рубцова:

*С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.*

А разве не о кровном родстве думал Давид Самойлов, когда писал:

*Всё на свете рождается в муке:
И деревья, и люди, и звуки.*

Без страдания, освящённого кровью, нет в этом мире ни истории народов, ни людских судеб, ни привязанности родства. . . Разорванная ткань любви всегда кровоточит. Недаром же Лукинична, мать Григория Мелехова, ночью выходит на крыльцо и, глядя в русскую бесконечную даль, где пропал её сын, шепчет: “Гришенька, кровиночка моя!”

Всё, сросшееся при помощи крови, — неразрывно. Без неё, без этой солёной влаги ничего слепить, сотворить, спаять в человеческой жизни невозможно.

*Я люблю эту кровную участь,
От которой сжимается грудь,
Даже здесь бессловесностью мучусь,
А не то чтобы там, где-нибудь...
Синий холод осеннего неба
Столько раз растворялся в крови,
Не оставил в ней места для гнева,
Лишь для горечи и для любви...*

Наконец-то к концу жизни я начал понимать, почему Георгий Свиридов любил именно эти строчки. . .

* * *

Зашёл в Калуге к старому другу детства Володе Калгалихину. Он недоволен жизнью, ругается, покупает какие-то разрекламированные лекарства — “Нестарит”, “Черника-форте”, — пьёт, а здоровье и зрение не улучшаются:

– Как видел, так и вижу! Черника форте! А стоит 38 рублей. У меня сейчас, Стась, три костюма, шестеро брюк, двадцать рубах. Гараж этим летом одному бизнесмену строил. Брат у него на Север уехал – и пропал. Так он мне евонный костюм твидовый за работу пожаловал... Материал – во! На всю жизнь хватит.

Лицо у Калгана опухшее, зубов нет, еле ходит. И ноги опухли – водянка.

– Кое-как подлечили меня, Стась, семь кило потерял, водой вышли. УЗИ сделали. Печень у меня отличная, селезёнка в порядке, лёгкие подпорчены. Вверху рубцы. Врач говорит: нужна операция, а то загниют. А я по строительному разумению думаю: как вверху загниёт? Загнить внизу может, куда всякая дрянь сваливается. А вообще, Стась, я тебе так скажу: еврей к врачам идёт за год до болезни, а русский – за неделю до смерти.

... Через две недели друг моего детства Володя Калгалихин умер.

* * *

“Вихрем песка ночного // будку не занесёт, // юноша мягкой тряпкой // поршни не оботрёт” – волшебные строки из стихотворения Ярослава Смелякова “Кладбище паровозов”, выработавших свои жизненные силы на строительстве социализма.

Локомотив. Ночь. Стыки рельсов гремят. Громадная молодая страна просыпается. Машинисты Андрея Платонова из рассказа “Фро” хватаются за поручни и поднимаются в свои паровозные будки. Это не просто труд. Это вера, это служение, это религия новой эпохи.

*Больше не раскалятся ваши колосники.
Мамонты пятилеток сбили свои клыки.*

В рассказах из книжки “Река Потудань” Андрей Платонов свою предельно оригинальную, но нарочито глумливую манеру “Чевенгура” и “Котлована” преодолел и впал, как “в ересь, // в неслыханную простоту”. Он преобразил естественное тепло, идущее от железа, очеловечил его, смешав с теплом от чёрных рук машиниста, и склонил свою гордыню перед людьми из простонародья, верующими в социализм и смиренно строящими его.

* * *

В 1960-1963 годах в комнате отдела поэзии журнала “Знамя” происходили всяческие забавные встречи и разговоры.

Юзик Алешковский откуда-нибудь из глубины комнаты с дивана просто-душно и весело заводил разговор о своём недавнем лагерном прошлом, забавлялся, что благодаря песне “Товарищ Сталин, Вы большой учёный” его считают жертвой политических репрессий.

– Да я служил в Сибири, пошёл в увольнение с корешами, зашли в кабак, выпили... Глядим – не успеваем в часть к сроку вернуться. А тут “газик” стоит открытый – и ключи в замке. Ну, вскочили и угнали. А за рулём был я. В часть успели, но схлопотали срок...

Забавный народ в лагере. Как-то в бараке зашёл разговор о евреях. Стали их ругать на чём свет стоит. Я слушал, слушал и говорю: “Ну, что вы языки распустили, вот я – еврей!”

Мои уголовники шары выкатили, не верят. “Ну, какой ты еврей! – И хочут: “Разыгрываешь нас!..”

Эту историю в те времена Юзик приводил в доказательство того, что русскому простому человеку по его наивности и добродушию антисемитом быть невозможно, поскольку он еврея от русского отличить не может.

Частенько заглядывал к нам в “Знамя” в те времена входивший в моду писатель Юлиан Семёнов.

Сын Семёна Ляндреса, бывшего в 30-е годы секретарём Николая Бухарина, он делал свою литературную карьеру на удивление уверенно и успешно. Один за другим эффектные политические детективы выходили из-под его пера и публиковались громадными тиражами. Немыслимые по тем временам

даже для самых известных писателей и журналистов, его поездки то в закрытую для советских людей франкистскую Испанию, то на ошестинившийся против континентального Китая и потому находившийся на особом положении Тайвань, то на чреватый близкими еврейско-арабскими войнами Ближний Восток возбуждали слухи и разговоры о его теснейших связях с Лубянкой. Иные литераторы клялись и заверяли, что он имеет по этому ведомству чуть ли не генеральские погоны, что по сравнению с ним какой-нибудь Генрих Боровик всего лишь навсего средний или даже младший офицер грозного ведомства, простая апээновская шестёрка... А тут ещё каплю масла в костёр слухов и сплетен вокруг Юлика добавила его женитьба на дочке Михалкова и Кончаловской. Три клана объединились. Чувствуя свою, как на дрожжах, растущую значимость, Юлиан стал “косить” под советского Хемингуэя, отпустил хотя и неопрятную, клочковатую, но всё-таки бороду, приобрёл редкий по тем временам ЗИМ, начал носить хемингуэевское кепи и даже краги, а его коктейбельские кутежи по богемному размаху стали напоминать времяпрепровождение Эрнста и его друзей в послевоенной Европе 20-х годов, описанное американцами в книгах “Ночь нежна” и “Праздник, который всегда с тобой”.

Естественно, что в качестве хобби Юлиан выбрал для себя охоту на самых крупных российских зверей – лося, кабана, медведя. Но поскольку вся эта нарочитая судьба была отмечена печатями туфты и показухи, то вся хемингуэевщина должна была окончиться каким-то нелепым образом. Чувствовалось, что однажды, говоря блатным языком, сынок Семёна Ляндреса и зять Михалкова должен был “фраернуться”. Что и произошло. Году в 1962-м где-то в Подмосковье на престижной охоте Юлик по неопытности во время загона, думая, что стреляет по зверю, выстрелил то ли на шелест в ельнике, то ли на хруст веток и вlepил заряд картечи в загонщика, который вскоре скончался. Дело было “мокрое”, но у нашего “Хемингуэя” за спиной стоял клан Михалковых и органы. Всё было замято, наказание Юлику дали условное, семья погибшего мужика получила хорошие отступные, и карьера Семёнова-Ляндреса стала успешно развиваться дальше.

* * *

Кончается эпоха книги, начинается эпоха мусора. Книги выбрасывают в мусорные баки, кто посовестливее – выкладывают в подъезде. Выбросить – рука не поднимается.

Утром большинство людей в московских дворах просыпаются от грохота мусоровозов, опрокидывающих мусорные контейнеры в свои кузова. Горы мусора рассыпаны по Подмосковью... А сколько в наших магазинах и гипермаркетах лежит на полках бесполезных и почти никому не нужных товаров, которые вскоре станут мусором.

В эпоху моего детства по калужским улицам проезжала телега, запряжённая лошадей. На телеге сидел человек и монотонно кричал: “Старьё берём!” Бабы выходили из подъездов, несли к его телеге изношенное тряпье, подшивки старых газет, вдрызг разбитую обувь.

...Я вспомнил об этом, когда вышел из глазной больницы прогуляться, зашёл вглубь квартала и увидел смуглого восточного человека в оранжевом жилете с сумкой, который нырял в кусты и выныривал оттуда с пустыми бутылками из-под пива. А в углу двора толстая женщина с сыном принимает от такого же узкоглазого мигранта такие же пустые бутылки... И протягивает ему какую-то мелочь. Я остановил смуглого собирателя мусора, который шёл к своеобразному приёмному пункту стеклотары.

- Ты откуда?
- Я из Душанбе.

Мы разговорились, я вспомнил свои молодые скитания по Таджикистану с геологической вольницей.

- А в Душанбе зелёный базар знаешь?
- Как не знать! – дружелюбно ответил мне таджик.
- А что ты в Москве собираешь бутылки? Что, в Душанбе работы нет?
- Нет! Я агрономом был в колхозе. Колхоз развалился. А сын учится – каждый месяц я ему из Москвы 20 тысяч посылаю... Дворником здесь рабо-

таю. Бутылки собираю, сдаю.

... Я вспомнил бескрайние хлопковые поля Таджикистана, чистые ручьи, текущие с гор в арыки. Вспомнил посёлок индейцев в американском штате Оклахома, звенящие пустые банки из-под пива, гонимые ветром по пыльной дороге.

Там – вырождающиеся потомки Гайаваты, здесь – цивилизованные дети Фирдоуси. А сегодняшняя жизнь – цивилизация мусора: помоечного, бытового, интеллектуального, эстрадного, политического и т. д.

* * *

Русские разбойничьи и “каторжные” песни, получив в XX веке “прививку” от городских жестоких романсов, постепенно заменились в бытовом обиходе советскими блатными песнями. Благо жизнь способствовала их появлению. Ну, разве не похожие чувства живут в старинной народной “По диким степям Забайкалья...” и советской лагерной “По тундре, по железной дороге, // где мчится скорый “Воркута-Ленинград”?

О жизни “блатного сословия” в советскую эпоху писали стихи и прозу многие известные литераторы. Вспомним “Республику ШКИД” В. Черных и Л. Пантелеева, “Очерки преступного мира” Варлама Шаламова, “Факультет ненужных вещей” Юрия Домбровского, “Погружение в бездну” Олега Васильевича Волкова, книгу о строительстве Беломорканала, написанную целым коллективом советских писателей. А ещё можно вспомнить книги Антона Макаренки, Михаила Дёмина, Бориса Ширяева. А поэтов, не понаслышке знавших, что такое лагерная жизнь, не перечислить: Анатолий Жигулин, Виктор Боков, Борис Ручьёв, Алексей Прасолов, Владимир Болохов и т. д.

Отношение в этих книгах к блатному миру было разным: кто-то ненавидел его, как Юрий Домбровский и Варлам Шаламов, кто-то с удовлетворением писал, как исправляются эти люди, кто-то им сочувствовал, но никогда никто не поэтизировал этот мир и не восхищался им. Вспомним, как писал об этом мире Николай Заболоцкий, проведший в лагерях более 8-ми лет:

*От солдат, от их лужёных глоток,
От бандитской шайки воровской
Здесь спасали только околоток
Да наряды в город за мукой.*

Первым, кто рискнул написать о блатном мире с восхищением и до предела поэтизировать его, был Владимир Высоцкий, из песен которого, как из ведра, полилось и посыпалось: “За восемь бед один ответ – // в тюрьме есть тоже лазарет...”, “Рыжая шалава”, “На большом Каретном”, “Мы вместе грабили одну и ту же хату...”, “За меня невеста // отпрыгает честно...”, “У тебя глаза, как нож...”, “В меня влюблялася вся улица...” и т. д.

Высоцкий приподнял силой своего актёрского таланта и темперамента блатной мир на невиданную высоту. Мало того, после нескольких поездок в 70-х годах в центр золотодобычи Сибири Бодайбо и после нескольких выступлений перед бывшими уголовниками, ставшими после выхода на волю старателями-золотодобытчиками, он решил написать совместно с одним из них, Леонидом Мончинским, прозаическую книгу о лагерной жизни этих людей. Книга вышла в 1996 году под названием “Чёрная свеча” (тираж 26 000 экз.).

Вот что писал Леонид Мончинский в предисловии к книге: “Идея написания книги принадлежит Володе. Он настаивал на сценарии, по которому мечтал поставить фильм в США и сыграть в нём главную роль. Мне удалось его уговорить: “Вначале будет роман”. Совместно работали урывками, иногда ночью, иногда в день, многое согласовывали по телефону. Володя ушёл, когда первая часть романа “Побег” была практически готова. Зэки, отбывавшие наказание на Колыме, перед ним предстали как создатели, люди слова и дела, не могущие творить зло”.

Увлечённость “блатным миром”, выраженная в песнях Высоцкого и в романе, частично написанном им, была столь страстной, что публицист и философ Кара-Мурза однажды написал:

“Какие песни сделали Высоцкого кумиром интеллигенции? Те, которые подняли на пьедестал вора и убийцу. Преступник стал положительным героем в поэзии. Высоцкий, конечно, не знал, какой удар он наносил по обществу, он не резал людей, он “только дал язык, нашёл слово” – таков был социальный заказ элиты культурного слоя. Как бы мы ни любили самого Высоцкого, этого нельзя не признать”.

И не случайно Владимир Высоцкий стал соавтором романтически-уголовной книги о лагерной жизни даже не политических заключённых, а “благородных” воров в законе, бесстрашно воюющих в лагерях со всякого рода “ссучившимися” зэками.

Слава Богу, что не осуществилась его мечта поставить в Голливуде фильм об этой жизни и сыграть в нём главную роль.

* * *

Еврейские элиты Америки, представленные неоконнами, которых иногда называют “неотроцкистами” (Киссинджер, Нуланд, Чейни, Олбрайт), встали стеной против исламского антисемитизма в истории с парижским еженедельником “Шарли” и вытолкнули на улицы и площади Европы миллион сограждан, сказавших “нет!” попыткам еврейского погрома на улицах и в торговых центрах Франции. Но одновременно они и тайно, и явно благословили пещерный антисемитизм украинских майданов, ибо он разрушал все основы нравственного бытия украинского общества, смыкался с животной русофобией военизированной черни, отвергал все устои новозаветного христианства, все устои “гражданского общества” и порождал условия “управляемого хаоса”, столь необходимые истеблишменту США и Европы для создания “санитарного кордона” прибалтийских и восточнославянских территорий вдоль западной границы России... “Что позволено Юпитеру, то не позволено быку” – что необходимо американским, французским, германским элитам (подавление антисемитизма у себя дома), то вполне допустимо на просторах “дикого Гуляйполя”, где гуляют батальоны Яроша и где законы устанавливает Сашко Билый.

* * *

“Проездом из Киева в Иркутск посетили меня земляки мои Волконский и Малюга. Они едут в звании медиков заслуживать казнь за воспитание. Какая нелепость – посылать молодых медиков в такую даль от центра просвещения! Где средства на будущее развитие? Варварство!” (Из дневника Т. Шевченко от 18 февраля 1858 года.)

Вот разница между русским и украинским подходом к жизни. Ни одному русскому мыслящему человеку не могло прийти в голову, что нельзя посылать молодых специалистов на окраины империи, “в такую даль от центра просвещения”!

Мои дед с бабкой, получив высшее медицинское образование в Петербурге, сначала были посланы работать врачами в саратовскую деревню, а потом по семейным обстоятельствам их перевели в деревню новгородскую. И это считалось и было нормальным и правильным распределением молодых специалистов в царской России.

И эту практику унаследовала Россия в советское время, когда моя матушка была распределена в 1940 году в эстонскую деревню Губаницы, а я через 20 с лишним лет – в маленький сибирский городок Тайшет.

Это был имперский порядок, непонятный сыну хуторской Украины Тарасу.

* * *

Когда в популярной программе “Голос” многие талантливые конкурсанты исполняют иностранные песни на английском языке, желая понравиться жюри и публике, я вспоминаю концерт Хворостовского, который прошёл 9 мая 2010 года на российском телевидении.

Опытный певец, популярный во всём мире, начал свой концерт вальсом “На сопках Маньчжурии”, потом спел “Катюшу”, потом — “Одинокую гармонь”... Зрители и слушатели были в восторге, аплодисментам не было конца, а тут ещё и “Тёмная ночь...”, и гамзатовские “Журавли”. Советская стихия наплывала на Красную площадь, обволакивала её, отвоёвывала потерянное страной пространство, возвращала, казалось бы, навеки утраченное время. Русское скуластое лицо Хворостовского, его широкая мужская улыбка, его достоинство, с которым он исполнял бессмертные песни на родном языке, — всё это вызывало у слушателей и восторг, и благодарные слёзы. “Офицерский вальс” на слова Долматовского, песни на слова невеликих поэтов Ошанина (“Эх, дороги...”), Матусовского (“На безымянной высоте...”), Михаила Львовского (“Вот солдаты идут...”) воспринимались народом как заветные и сокровенные. Ветер Победы подхватывал их и вместе с баритоном Хворостовского разносил над Москвой-рекой.

Вся история страны и Победы проплывала в то время в душе народа, стоявшего на Красной площади.

В своей стране, когда тебя слушает свой народ, надо петь песни на своём языке и забыть обо всех законах “Евровидения”... Инстинктом великого артиста Хворостовский понял это без лишних слов и раздумий... Да разве можно перевести на “инглиш” и спеть:

*Выльем за тех, кто командовал ротами,
Кто умирал на снегу,
Кто в Ленинград пробивался болотами,
Горло ломая врагу?..*

* * *

Жестокость революции. Жестокость Ленина, Троцкого, Сталина... Но — каков народ, такова и власть.

Вспомним “Тихий Дон”, сцену, как казаки собираются у куреня Мелиховых, потому что отец Пантелея Прокофьевича привёз из похода жену турчанку, которая вроде бы навела порчу на хуторскую скотину, и казаки решили расправиться с этой ведьмой. Когда одни держали деда Гришки Мелехова за руки, другие выволокли на крыльцо его беременную турчанку...

Она закричала, и её муж вырвался из цепких рук своих хуторян, схватил со стены горницы боевую шашку и с криком: “Зарублю!” — вырвался на двор, откуда вся толпа, пришедшая поглядеть, как убивают ведьму, разбежалась кто куда.

А сцена у мельницы, когда казаки с иногородними не поделили очередь — кому сначала молотить зерно на муку, — и когда из-за этой ссоры началась кровавая драка, в которой в ход пошли и колья, и оглобли, и всё, что попадалось под руку?..

А как расправляются с Подтёлковым и его соратниками мужики и бабы Гришкиного хутора? Как Гришка Мелехов рубит матросов, как он избивает до полусмерти сына помещика Листницкого?

А какие песни в то время могли петь и красные, и белые:

*Как за Чёрный ерик, как за Чёрный ерик
Ехали казаки — сорок тысяч лошадей,
И покрылся берег, и покрылся берег
Сотнями порубанных, пострелянных людей...*

И вдруг после этого:

Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить...

Да... При таком народе революция не могла быть никакой другой. Конечно, свой вклад в “жестокость революции” внесли местечковые революционеры и чекисты. Но и жестокость, живущая в дохристианской славянской сущности, наложила свою печать на 30-е годы с НКВД, с Соловками, с Колымой, с “тройками” и ГУЛАгом.

И лишь война, как наказание Божие, остановила этот разгул государственной и народной стихии... “Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить...”

* * *

Когда наши историки и публицисты размышляют о сталинских реформах предвоенного десятилетия (1929–1939), то вспоминают, как правило, лишь коллективизацию и индустриализацию. Но в эту эпоху реформировалась вся жизнь, изменялось строение всего общества.

Население, несмотря на голодные годы коллективизации, за это десятилетие увеличилось со 154,3 миллиона человек до 170,4 миллиона.

Количество индустриальных рабочих возросло с 8,3 млн до 23,9 млн – то есть в четыре раза.

Также почти в четыре раза (с 8,7 млн до 23,9 млн) увеличилось число так называемых служащих.

В три раза – с 11,6 млн и до 35,5 млн – возросло количество школьников. А число студентов со 169 тысяч в 1929 году в 1939-м достигло 812 тысяч – выросло в пять раз. Количество работающих женщин возросло в 4 раза: в 1929 году их было 2,7 млн, а в 1939 году стало 13,2 млн.

Вот какими были сталинские реформы, превратившие за 10 лет полуграмотную и неспособную выдержать историческую конкуренцию с развитыми европейскими государствами Россию в стремительно развивающееся общество и государство.

Вот так реализовалась сталинская мечта о том, чтобы Россия, отставшая от передовых капиталистических стран на 100–150 лет, преодолела это отставание всего лишь за одно десятилетие. Но без жесточайших законов, а часто и незаконных репрессий совершить такие преобразования в такие ничтожно короткие сроки было невозможно.

* * *

Знаменитый тост, который Сталин произнёс в честь русского народа в июне 1945 года, часто цитируется и вспоминается. Но, оказывается, Сталин и в других своих выступлениях не раз подчёркивал роль русского народа в истории:

“Самые большие уступки русскому национальному сознанию, – пишет историк А. И. Вдовин в книге “Российская нация”, – были сделаны в критический для страны 1942–1943 год (сражения под Сталинградом и Курском), ставший переломным не только в войне, но и в идеологической работе, в установках партийной пропаганды.

Именно тогда получило широкую известность беспрецедентное сталинское суждение о национальном вопросе и смысле войны. “Необходимо, – говорил он, – опять заняться проклятым вопросом, которым я занимался всю жизнь, но не могу сказать, что мы всегда его правильно решаем... Это проклятый национальный вопрос...”

Некоторые товарищи ещё недопонимают, что главная сила в нашей стране – великая великорусская нация, а это надо понимать! Далее в адрес некоторых недопонимающих товарищей было сказано: “Некоторые товарищи еврейского происхождения думают, что эта война ведётся за спасение еврейской нации. Эти товарищи ошибаются. Великая Отечественная война ведётся за спасение нашей Родины во главе с великим русским народом” (Вдовин А. И. “Российская нация”. С. 130).

* * *

“Пусси райот” – это гормональная болезнь, пришедшая из нижней, “кошачьей” части организма в мозг.

Поражает только женщин, в редких случаях – мужчин, женоподобных геев. Эти гормоны выбрасывают женщины в политику, которая обретает истери-

ческие черты и формирует женщин вроде Новодворской, Хакамады, Розалии Землячки, Соньки Золотой Ручки, Мариэтты Чудаковой...

Болезнь эта связана с сексуальными комплексами, с гормональной сублимацией.

В Средневековье таких сублимированных “и в монастырь ссылали, // и на кострах высоких жгли” (А. Ахматова).

В гуманное советское время их лечили в психушках, а в наше толерантное и гуманное время приглашают на TV (Дом-2).

* * *

12 ноября 2010 года.

Идёт передача о Распутине, исторические хроники Сванидзе, который, глядя на фотографию царской семьи, вещает: “Их убьёт русский народ...” Но их убьют Свердлов, Юровский, Войков и добровольцы из австро-венгерских пленных со странными фамилиями. Если весь этот сброд Сванидзе называет русским народом, то и сам Сванидзе самый что ни на есть “подлинный русский”.

(Продолжение следует)